

„ПО ДЕМЬЯНКѣ“

(БЫТОВЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ).

Большая часть мѣстностей Тобольского округа весьма мало знакомы читающей публикѣ за отсутствиемъ соответствующихъ статей въ литературѣ. Настоящій небольшой очеркъ имѣть цѣлью исполнить этотъ пробѣлъ по отношенію къ мѣстности, лежащей по р. Демьянкѣ¹⁾.

ГЛАВА I.

Выѣздъ изъ с. Демьянскаго.—Характеръ мѣстности.—Гари и молодые лѣса.—Животное царство.—„Сора“ и ихъ происхожденіе.—Каналы.—Карабашева деревня.—Путь въ Ситикову деревню.—Крестьяне-эксплуататоры осязкихъ угодій.—Ситиковская деревня.—Описаніе жилища.—Мѣстные собаки и ихъ концерты.

6го ноября, въ спѣшный и вѣтряный день, которыми такъ изобиловала нынѣшия осень, я выѣхалъ изъ Демьянска. Легкая кошевка, крытая рогожами, быстро неслась по пустыннымъ улицамъ этого большаго села, увлекаемая парою сытыхъ лошадокъ, запряженныхъ гуськомъ — иначе невозможно ъздить въ здѣсніихъ краяхъ по причинѣ глубокихъ снѣговъ.

Дорога пролегала сначала черезъ сплошныя поля, укутанныя теперь толстымъ покровомъ снѣга, потомъ стали попадаться гари, поросшія мелкимъ осиновымъ и березовымъ лѣсомъ, а также и тальниковыми кустами. Среди этихъ гарей разбросанно лежали многочисленныя, окаймленныя изгородью, поляца — это такъ называемы распиашки или „росчистки“, которые, въ противоположность къ близкимъ и болѣе сплошнымъ общественнымъ полямъ, составляютъ какъ-бы частную собственность отдельныхъ крестьянъ, ихъ

¹⁾ Демьянка впадаетъ въ Пртышъ съ правой стороны.

распахавшихъ, и въ передѣль не идутъ. Чѣмъ болѣе мы удалялись отъ Иртыша и Демьянска, тѣмъ рѣже становились росчистки и тѣмъ большія пространства занималъ лѣсъ. По правую руку дороги встрѣтился даже небольшой, но старый еловый боръ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій отъ пожаровъ, которые въ концѣ 60-хъ годовъ истребили почти всѣ лѣса на огромномъ пространствѣ отъ р. Демьянки до Оби. Относительно этого еловаго лѣска мой возніца сообщилъ, что онъ уцѣлѣлъ благодаря тому, что близко прилегаетъ къ дер. Шѣтуховой, крестьянке которой его отстояли, сваливъ цѣлый рядъ деревьевъ и не допустивъ огонь перейти черезъ дорогу.

Подобная картина лѣсовъ и гарей, чередующихся съ распашками, тянется на протяженіи 7—8 верстъ, потомъ поля исчезаютъ и мѣстность становится еще болѣе однообразною. Гари, почти сплошь покрытыя мелкимъ лиственнымъ лѣсомъ, кое гдѣ смѣняются средневозрастными березовыми рощами, произрастающими на низменныхъ сырыхъ мѣстахъ и потому пощаженными огнемъ, но зато сильно истощенными рубкой. Попадаются мѣста, гдѣ огонь, уничтоживъ весь мелкий лѣсъ, только оставилъ старыя вѣковыя сосны, которыхъ и теперь продолжаютъ зеленѣть и можетъ быть простоять еще не сколько десятковъ лѣтъ, но онѣ, во множествѣ, гибнутъ во время сильныхъ бурь, лишенныя опоры своихъ младшихъ собратьевъ и не будучи въ состояніи выдержать напоръ сильныхъ вѣтровъ. Многія изъ нихъ упали на дорогу и преграждали намъ путь, другія приняли наклонное положеніе и ждутъ своей очереди.

Какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, погибающій хвойный лѣсъ замѣняется лиственнымъ, мѣстами рѣдкимъ, мѣстами густымъ какъ щетка. Ростеть этотъ лѣсъ медленно, и теперь, спустя 20 лѣтъ послѣ пожара, онъ едва-ли годится на дрова. Изъ древесныхъ породъ здѣсь встрѣчаются ель, сосна, береза, осина, ива, черемуха, рябина и кедръ.

Впрочемъ эти лѣса имѣютъ свое значеніе для края, служа въ настоящее время, любимымъ мѣстопребываніемъ разныхъ пуш-

ныхъ звѣрей. Пожары, о которыхъ мы упомянули, имѣли пагубное вліяніе не только на растительное, но и на животное царство. Благодаря имъ, въ короткое время, вся мѣстность превратилась въ пустыню: все, что не сгорѣло, бѣжало въ еще сырые урманы и вслѣдствіе этого, въ теченіи 10—12 лѣтъ, звѣринный промыселъ, прежде главное занятіе жителей, почти прекратился. Но, по мѣрѣ подростанія лѣса, вновь стала въ немъ проявляться жизнь и нѣкоторыя животныя, какъ соболь и лось, теперь не менѣе многочисленны, чѣмъ прежде. Другія, напротивъ, стали значительно рѣже, какъ напр. сѣверный олень, который, какъ известно, питается главнымъ образомъ лишайами, растущими на землѣ и покрывающими стволы и вѣтви хвойныхъ деревьевъ, и поэтому держится преимущественно въ старыхъ урманахъ, гдѣ они встрѣчаются въ изобилії. Приблизительно тоже можно сказать и относительно белки, которая неохотно посѣщаетъ здѣшнюю мѣстность, гдѣ среди мелкой лиственной поросли не находить себѣ достаточнно пищи.

Равнымъ образомъ стали рѣже и медведи, въ прежнія времена часто навѣщающіе жителей въ самыхъ юртахъ. На смѣну имъ явились волки, еще недавно совершенно неизвѣстные по р. Демьянкѣ. Впрочемъ и теперь они попадаются нечасто и область ихъ распространенія ограничивается нижнимъ ея теченіемъ.

Такимъ образомъ здѣсь мы встрѣчаемъ интересную картину вытѣсненія однихъ растительныхъ видовъ другими и, какъ результатъ этого явленія, измѣненіе въ предѣлахъ распространенія отдаленныхъ видовъ изъ царства животныхъ.

Но теперешнюю флору и фауну здѣшней мѣстности врядъ-ли можно назвать прочной и устойчивой. Береза, главная представительница молодыхъ, вновь возникшихъ лѣсовъ, недолговѣчна и, если мѣстами и образуетъ сгѣлья насажденія, то въ еще большихъ случаяхъ, приближаясь къ этому возрасту, начинаетъ рѣдѣть и пропадать, ломается отъ вѣтра и сохнетъ отъ разныхъ причинъ и среди такихъ рощицъ часто появляются тутъ и тамъ молодыя елочки, которыхъ здѣсь развиваются очень хорошо и та-

кимъ образомъ образуется мѣшанинъ лѣсъ. Число елочекъ постепенно прибываетъ, а молѣдыя березки, любящія свѣтъ, уже плохо растутъ среди подобного густаго лѣса и вслѣдствіе этого съ течениемъ времени уступаютъ мѣсто ели, которой болѣе свойственна подобная среда.

Въ мѣстностяхъ, уцѣлѣвшихъ отъ послѣднихъ пожаровъ и которыхъ пострадали отъ болѣе отдаленныхъ палюкъ, можно видѣть эти переходы отъ чисто березовыхъ насажденій черезъ мѣшанинъ лѣсъ къ еловымъ лѣсамъ, по конечно подобное явленіе замѣчается не повсемѣстно и для такого полнаго превращенія требуется не менѣе 80 лѣтъ и во многихъ мѣстахъ огонь, сжегши насажденіе, опять даль перевѣсь листвянымъ породамъ.

Мы проѣхали черезъ нѣсколько соровъ¹⁾), которые среди здѣшней лѣсистой мѣстности представляютъ, какъ и нѣкоторыя болота, единственныя мѣста, свободныя отъ деревьевъ. Нѣкоторые изъ нихъ богаты рыбой, главнымъ образомъ карасями, но также щукой, окунемъ и чебакомъ, по ловля неводомъ въ большей части изъ нихъ невозможна по причинѣ большаго количества „задѣвъ“, устилающихъ ихъ дно.

Въ виду этого, здѣсь промышляютъ преимущественно мордами. Эти сора, по всей вѣроятности, ничто иное какъ старицы рѣки Демьянки, которая съ теченіемъ времени измѣняетъ свое русло, прокапывая себѣ новое ложе. Что это предположеніе не лишено основанія можетъ тому служить доказательствомъ и то, что подобные же сора образуются—если прокопать ходъ между 2 извилинами рѣки, что здѣсь нерѣдко предпринимаютъ крестьяне и остыки, въ видахъ сокращенія пути. Надо замѣтить, что Демьянка крайне извилиста и образуетъ множество колѣнь, такъ что иногда достаточно прорѣзать какой нибудь перешеекъ въ 10—30 сажень, чтобы спрямить рѣку на 10—20 верстъ, что, конечно, важно для

¹⁾ Подъ этимъ именемъ, на сѣверѣ Тобольской губерніи, подразумываются озера съ весьма пологими берегами. Рѣже это слово, какъ здѣсь, употребляется какъ синонимъ выражений „озеро“, „прудъ“, независимо отъ свойства ихъ береговъ. Происходитъ оно вѣроятно отъ соотвѣтствующаго ему остицкаго слова „торг“.

коренныхъ жителей—остяковъ, для которыхъ она служить единственнымъ лѣтнимъ путемъ сообщенія деревнями и селами, лежащими по Иртышу, а также и для крестьянъ, сплавляющихъ лѣсъ въ с. Демьянское.

Для прорѣзанія такихъ перешейковъ собираются крестьяне или остыки въ числѣ 10—25 человѣкъ, рѣже въ большемъ числѣ, и оканчиваютъ работу въ 1, 2 и много 3 дня. Размеры одной изъ этихъ канавъ, поросѣющей волокъ въ 15 саж., слѣдующіе: ширина вверху 3 арш. и внизу 1 арш. при глубинѣ въ 4 арш. Рѣка же въ данномъ мѣстѣ образуетъ почти полное кольцо верстъ въ 10 въ окружности. Со стороны рѣки конечно оставляютъ не прокопанныя пространства, „пороги“, которыхъ прорѣзываютъ уже потомъ. Если глубина канавъ достаточна и если мѣсто выбрано удачно, то вода, особенно во время весеннаго половодья, съ большой силой устремляется въ указанный ей ходъ и прорываетъ себѣ настоящее ложе. Такіе прокопы встрѣчаются по Демьянкѣ въ 3—4 мѣстахъ.

На самую Демьянку приходится выѣзжать только по временамъ, именно тамъ, где ее пересѣкаетъ зимний путь. Въ виду этого, па вопросъ, скоро ли мы доѣдемъ, ящики здѣсь нерѣдко отвѣчаютъ такъ: надо проѣхать 2 сора и 3 плѣса, причемъ слово „плѣса“ и означаетъ часть поверхности рѣки. Ехать же по Демьянкѣ все время значило бы удлиннить путь по меньшей мѣрѣ въ 3 раза, до того она извилиста и вертлява.

Первое жилое мѣсто, которое мнѣ пришлось посѣтить, была дер. Карабашева, состоящая всего изъ 2-хъ домиковъ. Основана она на мѣстѣ бывшихъ Карабашевыхъ юртъ, жители которыхъ вымерли окончательно лѣтъ 10 тому назадъ. Еще въ 58 году, во время 10-ї ревизіи, здѣсь проживало 10 душъ остыковъ (8 мужч. и 2 ж.). Съ явленіемъ вымирания инородцевъ мы будемъ постоянно сталкиваться при дальнѣйшемъ изложеніи, такъ какъ это явленіе замѣчается повсемѣстно по Демьянкѣ, по Иртышу и Оби. Замѣчено это явленіе не только въ Тобольскомъ округѣ или въ Сибири, но и въ Америкѣ и въ другихъ стра-

нахъ, однимъ словомъ всюду, гдѣ племена, стоящія на низкой степени развитія и мало способныя къ культурѣ, сталкиваются съ европейцами и начинаютъ усвоивать виѣшніе признаки ихъ цивилизациі.

Здѣсь я остановился ненадолго и нѣсколько побесѣдовалъ съ крестьянами, которые охотно рассказывали о своемъ житьѣ, бытѣ. Такъ какъ ихъ экономическая условія вполнѣ сходны съ таковыми же слѣдующаго Ситиковскаго селенія, то я не буду о нихъ распространяться особо.

Лопадей на этотъ разъ запрягли въ „распражку“, потому что бѣхать гуськомъ, при сильной извилистости лѣсной дороги, при постоянныхъ спускахъ и подъемахъ, оказалось неудобнымъ. Я поѣхалъ на переднихъ саняхъ, а немногія мои вещи были сложены на заднихъ саняхъ, гдѣ былъ возницей прогорный паршишка. Вьюга продолжалась по прежнему и обледенѣлый снѣгъ рѣзаль лицо, но вообще погода была мягкая, что особенно было замѣтно, когда мы проѣзжали черезъ густой лѣсъ, гдѣ и зимой тихо. Нѣкоторое время мы ёдемъ по крутымъ берегамъ р. Нельма, притока Демьянки съ правой стороны, опять углубляемся въ лѣсъ, пересѣкаемъ Демянку, сора и болота, и подъѣзжаемъ къ Ситиковской деревнѣ, которая, какъ почти всѣ здѣшнія селенія, расположена на р. Демянкѣ.

Уже стемнѣло, но вьюга стала утихать. Мы остановились у одного изъ 2-хъ домиковъ, изъ которыхъ состоять вся деревня, именно у того, гдѣ еще свѣтился огонекъ. Время было позднее и я рѣшилъ здѣсь переночевать, проѣхавъ всего 30 верстъ отъ с. Демянского.

Войдя въ избу, я засталъ семейную картину: крестьянинъ чинилъ хомутикъ, а 2 женщины, жена и взрослая дочь его, какъ я потомъ узналъ, сидя на лавкѣ, пряли льняную нитку на особыхъ прядлахъ безъ колесъ и весьма простаго устройства и всю эту картину освѣщала луничка своимъ мерцающимъ свѣтомъ.

Такъ коротаютъ здѣшніе крестьяне длинные зимніе и осенниe вечера и поэтому мало тяготятся своимъ одиночествомъ, впрочемъ

зима, или, точнѣе, первая ея половина, здѣсь самое оживленное время года. Малочисленные остыки, которымъ принадлежать громадныя площади земли по обѣимъ берегамъ Демянки, конечно не въ состояніи сами эксплуатировать всѣ многочисленныя рыбные угодья, въ нихъ заключающіяся, и, поэтому, приглашаютъ къ себѣ артели крестьянъ, преимущественно Демянской волости, вмѣстѣ съ которыми и промышляютъ съ начала ноября по Рождество или Крещеніе и, въ виду этого, въ эти мѣсяцы замѣтно постоянное движеніе народа взадъ и впередъ. Сначала крестьяне отправляются „мять“ дорогу, иногда на лыжахъ, иногда на дровняхъ, такъ какъ безъ подобной подготовки, въ многоснѣжную зиму, болота, подъ обильнымъ покровомъ снѣга, иногда не промерзаютъ вплоть до весны и потому уже двигаются „караваны“ рыбаковъ, саней въ 10—20, вглубь страны. Они везутъ съ собой куски невода, хлѣбъ, чай, кое какую одежду, нѣкоторую посуду, пеши, однимъ словомъ предметы, необходимые, чтобы прожить 1½—2 мѣсяца въ юртахъ или въ рыболовной избушкѣ. Устроившись и нѣсколько обжившись, крестьяне возвращаются опять на „рѣку“ (Иртышъ) за сѣномъ, которое такимъ образомъ везутъ 50—80—100 верстъ, смотря по отдаленности ихъ мѣста назначенія; на Демянкѣ-же, вслѣдствіе весьма слабаго населенія, трудно получить достаточное количество сѣна. Потомъ, черезъ недѣли 2—3 послѣ начала промысла, туда потянутся ямщики за рыбой и наѣзды ихъ происходить каждую недѣлю или 2 недѣли.

Такимъ образомъ, въ эти 2 зимніе мѣсяца, здѣсь кипить жизнь, которая въ январѣ затихаетъ и опять начинается около великаго поста, когда крестьяне отправляются въ остыкіе урманы валить и заготовлять лѣсъ для сплава на Демянскую пароходную пристань. Живутъ они въ лѣсахъ не болѣе мѣсяца, послѣ чего вновь покидаютъ берега Демянки до весеннаго разлива, когда на легкихъ лодочкахъ добираются до мѣстъ, гдѣ сложенъ лѣсъ и сплавляютъ его по рѣкѣ.

Во всѣ эти периоды времени, малочисленныя избы здѣшніхъ деревень и юртъ бываютъ биткомъ набиты народомъ, который

располагается всюду, гдѣ только можно прилечь, на полу, на лавкахъ, на полатяхъ, на печи и самоваръ подчасъ виродолженій цѣлой исчи не сходить со стола.

Ситиковская деревня, какъ и Карабашева, выросла тоже на мѣстѣ бывшихъ осяцкихъ юртъ, жители которыхъ вымерли еще до 10-й ревизіи. Эти деревенъки состоять изъ небольшихъ чистенькихъ домиковъ, почти всѣ въ 1 „стопу“ или комнату. По своему внутреннему устройству эти жилища не представляютъ никакого отличія отъ таковыхъ-же избъ по Иртышу, развѣ только что онъ меныше, каждая стопа дѣлится перегородкой на 2 части, изъ которыхъ передняя—чистая половина, вторая, заключающая огромную русскую печь, играетъ роль кухни. Какъ и тамъ, уголь противъ двери занять образами, другой—широкою деревляною кроватью съ пологомъ. Всѣ свободныя мѣста около стѣнъ заняты широкими лавками, которые иногда замѣняютъ кровать для уставшихъ странниковъ. Для этой-же цѣли служатъ и полати—излюбленное мѣсто старухъ и дѣтей.

Такое-же устройство было и въ домѣ, гдѣ я остановился, единственномъ, состоящемъ изъ 2-хъ половинъ или „стопъ“. Здѣсь тоже вся жизнь была сосредоточена въ одной комнатѣ, другая-же, отдѣленная отъ первой сѣнами, служила зимою кладовой. Окна, какъ всюду по Демьянкѣ, затянуты коровьей или лосиной брюшиной, которая пропускаетъ свѣта вполнѣ достаточно для домашнихъ работъ и, даже для чтенія и писанія, но, въ тоже время, не позволяетъ видѣть, что происходитъ на улицѣ. Для этой цѣли въ серединѣ цузыря продѣлываются небольшую дырочку. Принимая во вниманіе дешевизну и общедоступность материала, окна съ брюшиной съ успѣхомъ могутъ замѣнить одну и даже двѣ рамы со стеклами и дѣйствительно, если брюшина аккуратно натянута, то, отъ подобныхъ оконъ, гораздо менѣе дуетъ, чѣмъ напр. отъ оконъ, имѣющихъ одну раму со стеклами, прикрытными притомъ при помощи пшилекъ, что встрѣчается часто по Иртышу и, повсемѣстно, по Кондѣ. Но подобные окна имѣютъ и свои неудобства, именно онъ весьма хорошо пропускаютъ звукъ, и всякий шумъ,

возникающій на улицѣ, слышенъ также отчетливо, какъ если-бы происходилъ въ комнатѣ. Это дѣлается особенно замѣтнымъ, когда собаки начнутъ свои обычные концерты, о которыхъ не имѣютъ понятія люди, не бывавшіе къ сѣверу отъ Тобольска и не видавшие мѣстныхъ собакъ сѣверной туземной породы, отличительная черта которой—чрезвычайно густая стоячая шерсть, длинная морда и стоячія уши. Вотъ эти-то собаки, которыхъ держать ради охоты и для перевозки поклажи въ зимнее время въ мѣстахъ, гдѣ нѣть дорогъ, имѣютъ странное обыкновеніе собираться во всякое время днія, по главнымъ образомъ ночью, въ стайки и поднимать ужасный вой, который длится иногда полчаса безъ перерыва, послѣ чего онъ разбѣгаются, чтобы черезъ нѣкоторое время опять собраться у другого дома и продолжать концертъ.

Придерживаясь правила, что утро вечера мудренѣе, я не безъ удовольствія расположился на покой въ теплой избѣ, но долго не могъ сокнуть глазъ и прислушивался къ вою вѣтра и къ шелесту, который производилъ снѣгъ, ударяясь о брускиную перепонку окна и, убаюкиваемый этимъ шумомъ, я наконецъ уснулъ.

ГЛАВА II.

Занятія жителей: земледѣліе и рыболовство: „чердачный“ промыселъ.—Слабая зависимость здѣшнихъ крестьянъ отъ кулаковъ.—Права на землю.—Путь въ Потырскія юрты.—Ихъ населеніе.—Звѣроловство: охота на лося.—Мѣстное охотничье право.—Охота на соболя, выдру, лису.—Добыча мелкихъ грызуновъ.—Остикъ, какъ охотникъ.

~~~~~
Главное занятіе жителей—земледѣліе и рыболовство.

Первые опыты хлѣбоапашства по р. Демьянкѣ принадлежать осякамъ, которые и оставили Карабышевскимъ крестьянамъ въ наслѣдство свои небольшія пашни; но земледѣліе осяковъ не получило широкаго развитія, частично вслѣдствіе того что вымерли жители, частично оттого что одного плохаго года было достаточно, чтобы охладить пыль не очень рьяныхъ пахарей (Ескинскія юрты). Теперь земледѣліе стоитъ на болѣе прочныхъ основахъ, но только въ этихъ 2-хъ русскихъ деревняхъ, въ осталь-

ныхъ же остаточныхъ селеніяхъ оно не практикуется. Хотя шашни здѣшнихъ крестьянъ и невелики и достигаютъ $1\frac{1}{2}$ — 2, рѣже 3 дес. на дворь, но, при хорошихъ урожаяхъ, которые здѣсь бываютъ, этого количества вполне достаточно чтобы прокормить въ продолженіи года небольшую семью, а иногда жатва одного года хватаетъ на 2 года, напр. хозяева, гдѣ я остановился въ Ситиковскихъ юртахъ, пользовались еще хлѣбомъ 1885 года, т. е. третьего года. Сѣять, какъ всюду въ Тобольскомъ округѣ, почти исключительно озимь и ячмень. Урожаи, какъ сказано, бываютъ хороши, часто самъ 5—7 и даже самъ 10. Зависитъ это отъ свѣжести почвы, „угоенной“ притомъ золой бывшихъ деревьевъ, и съ другой стороны отъ хорошаго навознаго удобренія, что позволяетъ имѣть достаточное количество скота, которое здѣсь держать. Въ среднемъ можно принять, что въ обѣихъ деревняхъ, на дворь, приходится по 3—5 коней и коровъ, не считая молодаго мелкаго скота.

Вообще здѣшняя мѣстность представляетъ условія довольно благопріятныя для земледѣлія, которое пока еще въ зачаткѣ. Почва¹⁾, судя по словамъ крестьянъ, состоить изъ разныхъ смѣсей глины съ пескомъ. Распашка не представляетъ большихъ затрудненій, такъ какъ вся мѣстность состоитъ изъ гарей и притомъ такихъ, гдѣ деревья погибли уже около 20 лѣтъ назадъ и, слѣдовательно, гдѣ ихъ остатки уже сильно погнили. Подростающій, еще молодой, лѣсъ тоже до сихъ поръ не служилъ большой помѣхой для поднятія нови.

Въ виду этого, здѣшней мѣстности можно было бы предсказать лучшую будущность — сдѣлаться кормилицей будущихъ крестьянскихъ деревень; но большое количество низинъ, „лывъ“²⁾, и болотъ, разбросанныхъ среди болѣе высокихъ мѣстъ, годныхъ для культуры, а главнымъ образомъ недостатокъ въ лугахъ послужить некоторымъ препятствиемъ для колонизации. А что здѣшний край

¹⁾ Я неимѣлъ возможности лично изслѣдовать этотъ вопросъ по причинѣ глубокаго сѣга.

²⁾ Сыре низкое мѣсто.

можетъ прокормить болѣе сильное населеніе, чѣмъ которое теперь разсѣяно по пустыннымъ берегамъ Демьянки, не подлежитъ со мнѣнію: доказательствомъ можетъ служить уже то, что остатки здѣсь были прежде значительно болѣе многочисленны, чѣмъ теперь, а питались они почти исключительно звѣроловствомъ, не эксплуатируя совсѣмъ почвы и только отчасти свои рыбные богатства.

Кромѣ хлѣбныхъ растеній здѣсь сѣютъ еще ленъ и добытый изъ него холстъ служить главной одеждой для здѣшнихъ крестьянъ. Часть его, которая предназначена на юбки и мужскія рубашки, отдаются синить въ деревни по Иртышу, платя по 3 коп. за 1 аршинъ.

У соѣдніхъ остатковъ ленъ замѣняется крашивой, въ изобилиї произрастающей по берегамъ соровъ, на мѣстѣ бывшихъ стоянокъ, и около избушекъ и юртъ. Холстъ изъ нея грубѣе, но очень проченъ. Изъ него, кромѣ нижней одежды, дѣлаются еще „шабуры“, которые хорошо защищаютъ полуушубки отъ сырости и отъ царпанья сучками.

Есть еще одно растеніе, которое здѣсь культивируется въ не большихъ размѣрахъ, это — картофель.

Если земледѣліе служить источникомъ пропитанія для жителей, то рыболовство доставляетъ главный доходъ, который идетъ на уплату податей и повинностей и на приобрѣтеніе чая, соли, табака и тому под. Рыболовство производится главнымъ образомъ зимой, при помощи небольшихъ неводовъ въ 50—100 саж. длины, въ сорахъ и въ Демьянкѣ, также мордами, которая ставятъ въ рѣчкахъ, въ ручьяхъ и около живцовъ или ключей, впадающихъ въ Демянку. Почти специальнѣ для карасей ставятъ въ сорахъ сѣти. Въ Демьянкѣ, кромѣ того, практикуется еще осенний ловъ налима самоловами и промыселъ „духовой“ рыбы при помощи „чердаковъ“.

Въ виду того, что этотъ послѣдній способъ добычи рыбы наиболѣе характеренъ, опишемъ его нѣсколько подробнѣе. Вода въ Демьянкѣ начинаетъ „загораться“ въ началѣ декабря, часто око-

ло Николина дня. Причины этого явления недостаточно выяснены, но съ водой происходятъ какія-то видоизмѣненія, почему она дѣлается безвкусной, отчасти краснѣеть и рыба, проживавшая въ ней въ продолженіи цѣлаго лѣта, уже не можетъ въ ней далѣе безнаказанно пребывать и поэтому сгѣшить покинуть подобную испорченную среду. Изъ Демьянки она скатывается въ Иртышъ, который около с. Демьянскаго „загораетъ“ сравнительно рѣдко. Эта-то рыба и называется „луховой“, потому что движеніе ея обусловлено „загоромъ“ рѣки или „духомъ“.

На этомъ движениіи рыбы и основалъ „чердачный“ промыселъ: наперекъ рѣки ставятъ 2 косыхъ забора изъ жердей и хвороста, которые своимъ отверстіемъ направлены внизъ по рѣкѣ. Въ срединѣ помѣщается саниѣ или мѣшкообразная сѣть, къ которой прикреплены веревки. Когда рыбакъ почувствуетъ, что рыба попала въ саниѣ, онъ тянетъ веревку и вытаскиваетъ сѣть съ плѣнницами. „Чердакъ“ устраивается незадолго до „загора“ и осматривается одинъ разъ въ день; во время же самого хода рыбы, который продолжается 3—5 дней, караулятъ днемъ и ночью. Такъ какъ чердакъ сооружается артелью изъ 5—12 человѣкъ, то караулятъ по-очередно и, при дележѣ рыбы, всякий членъ артели получаетъ равный пай добычи, хотя-бы въ его чередь и не попало ничего.

Рыба, не успѣвшая пробраться въ Иртышъ и не попавшая въ „чердаки“, скапливается около ключей, которые кое-гдѣ впадаютъ въ Демянку и имѣютъ свѣжую воду. Здѣсь помѣщаются много ловушекъ и рыба иногда въ 1 ночь переполняетъ морды, изъ которыхъ каждая можетъ вмѣстить 15—20 пуд.

Весной промысялютъ на рѣкѣ „кривдами“.

Главный ловъ рыбы въ здѣшнихъ угодьяхъ происходитъ, какъ сказано, въ первую половину зимы, такъ какъ въ это время удобна перевозка ея, лѣтомъ-же ловятъ почти только для себя, причемъ ее солять и сушать на зиму.

Породы рыбъ въ Демянкѣ, рѣчкахъ и сорахъ — тѣ-же, которыя встрѣчаются и въ Иртышѣ, кроме болѣе цѣнныхъ видовъ,

свойственныхъ этой рѣкѣ, каковы представители семействъ Лососевыхъ (*Salmonoidei*) и Осетровыхъ (*Chondroztei*). Здѣсь встрѣчаются: язь, щука, чебакъ, окунь, ершъ, отчасти елецъ, кроме того исключительно въ сорахъ — крупный карась, достигающій размѣровъ до $\frac{1}{2}$ арии. и вѣса въ 6—8 ф., а въ Демянкѣ осенью попадается еще налимъ.

Кромѣ этихъ 2-хъ главныхъ занятій, здѣсь практикуются еще зѣроловство, сборъ ягодъ и кедровыхъ орѣховъ, рѣже извозъ.

Сравнительно съ сосѣдними остатками здѣшніе крестьяне находятся въ меньшей зависимости отъ торгующихъ крестьянъ и проходитъ это отъ того, что они обезпечены почти во всѣхъ предметахъ первой необходимости: въ жилищѣ, пищѣ и одеждѣ. Дѣйствительно, они имѣютъ круглый годъ свой хлѣбъ и картофель, свою рыбу, личь, свое молоко, масло, мясо, одежду изъ своего холста, бродни и чирки изъ своихъ кожъ и даже „гуся“, эту общепотребительную на сѣверѣ самойдскую одежду, какъ и рукавицы, шьютъ изъ шкуръ своихъ собакъ. Упомянемъ здѣсь кстати объ одной принадлежности мужскаго зимняго костюма, которая носить мѣстный характеръ, это такъ называемый „нашейникъ“ (по-остяцки „танкедуръ“), родъ боа изъ заячьихъ или бѣличьихъ хвостовъ, но значительно болѣе короткій и охватывающій только шею. Хвости одинъ за другимъ нанизываются на шнурокъ и стягиваются, въ виду чего на одинъ нашейникъ ихъ идетъ 60—120 штукъ, а средняя цѣна его 60 к.—1 руб. Нашейникъ хорошо охраняетъ шею отъ вѣтра и снѣга и вовсеобщемъ употреблении по Демянкѣ и въ низовой части Иртыша. Возможно, что онъ заимствованъ отъ остатковъ.

Около Ситиковской деревни кончается „отводная“⁴⁾ земля общаго владѣнія крестьянъ Демянской волости и начинаются обширныя лѣсныя пространства, которыя тянутся на сотни верстъ по обѣ стороны рѣки Демянки и единственными обладателями которыхъ являются малочисленные остатки, сгруппировавшіеся, преимущественно, въ ея нижней части.

⁴⁾ Земля, отведенная Правительствомъ въ XVI ст. подъ поселенія ямщики при устройствѣ Демянскаго яма.

Къ нимъ-же перешла и значительная часть земель вымершихъ Карабашевскихъ и Ситиковскихъ юртъ, расположенныхъ на полуденной сторонѣ рѣки.

Крестьянамъ-же названныхъ деревень, за отбываніе гоньбы на 2-хъ станкахъ, остыки уступили часть покосовъ и рыбныхъ угодій и дали нѣсколько паевъ для пользованія кедровниками.

Утромъ опять продолжаемъ путь. Бдемъ почти все время лѣсомъ, который однако то и дѣло мѣняется; то это мелкая поросль, выросшая на мѣстѣ, гдѣ сравнительно недавно прошелъ огонь, то красивыя березовыя рощи или мѣшанный лѣсъ, то наконецъ пространства, гдѣ произрастаютъ отдѣльные деревья разныхъ возрастовъ, преимущественно хвойныя, и между ними нагроможденъ сушинка, частью еще стоящій вертикально, частью упавшій на сосѣднія деревья и глушащий ихъ ростъ и густо устилающій почву. Подобные лѣса имѣютъ хаотическій видъ и правильного прироста въ нихъ конечно быть не можетъ.

Дорога очень узка и вѣтви молодыхъ березокъ то и дѣло хлещутъ по лицу и царапаютъ одежду. Идетъ она то по гривамъ, то спускается въ лога и, нѣкоторое время, направляется вдоль нихъ, оять поднимается на горы и пробирается змѣйкой черезъ лѣсъ, покрывающей всю эту слегка волнистую мѣстность.

Пока мы щахали лѣсомъ, было совершенно тихо, но какъ только выѣхали на Демьянку, подулъ холодный вѣтеръ, который въ изобиліи обдавалъ насъ снѣжной пылью или „копотью“, какъ здѣсь выражаются. По счастью я запасся самодѣскимъ „гусемъ“, который, какъ известно, носять поверхъ „мамизы“ или полушубка и который такъ хорошо приспособленъ къ сѣверному климату, что, одѣвшіи его, относишися вполнѣ равнодушно къ вѣтрамъ и выюгамъ.

Потыревскія юрты состоять изъ одного, но большаго дома въ 2 стопы. Здѣсь живутъ 2 семьи остыаковъ, Тайлаковыхъ, выходцы изъ юртъ Тайлаковыхъ, самого крайняго, теперь уже не существующаго, селенія вверхъ по Демьянкѣ, лежавшаго примѣрно на 300 верстномъ разстояніи (по прямому пути) отъ с. Демьянскаго.

Они уже лѣтъ 20 бросили свои прежнія жилища и представили свои обширныя „вотчины“¹⁾ на произволъ Юганскихъ звѣровщи-ковъ, которые сюда иногда заходятъ, чтобы промышлять звѣря и даже строить себѣ временные избушки.

Причина, почему эти остыки, вообще неохотно покидающіе земли, доставшіяся имъ отъ дѣдовъ и отцовъ, переселились на новые мѣста, слѣдующая. Населеніе въ верхнемъ теченіи Демьянки за послѣднее время сильно поубавилось и, между прочимъ, нѣсколько юртъ (Таринскія) совершенно вымерли, черезъ что 2 семейства Тайлаковыхъ очутились одни на огромномъ пространствѣ (100 вер. до ближняго селенія) и сообщеніе съ с. Демьянскимъ сдѣлалось весьма затруднительнымъ, особенно зимой, при глубокихъ снѣгахъ. Лѣтомъ-же путь изъ Демьянска въ Тайлаковы юрты, вслѣдствіе чрезвычайной извилистости рѣки, требуетъ, по словамъ остыаковъ, не менѣе 3-хъ недѣль или около $1\frac{1}{2}$ мѣсяца въ оба конца. Въ виду этого, обыкновенно случалось что, отправившись въ село за мукою, остыкъ долженъ быть проѣсть во время пути значительную часть ея. А между тѣмъ, вслѣдствіе вымирания же жителей, земли болѣе близкихъ юртъ, между прочимъ Потыревскихъ, остались безъ хозяевъ и сосѣдніе остыки, затрудняясь вслѣдствіе своей малочисленности, „справлять“ гоньбу за прежнихъ ихъ владѣльцами, „обганивать вотчины“, какъ здѣсь принято говорить, предложили Тайлаковымъ переселиться сюда, что послѣдние и исполнили весьма охотно. Впрочемъ, въ Патырскихъ юртахъ поселилась только одна семья, которая теперь, вслѣдствіе семейнаго раздѣла, распалась на двѣ, а другая нашла убѣжище въ Лумкоевскихъ юртахъ.

Изъ прежнихъ жителей Потыревскихъ юртъ при возвращеніи въ нихъ Тайлаковыхъ, осталось въ живыхъ только трое малолѣтковъ и новые „вотчинники“, взявъ въ свое владѣніе здѣшнія земли,

¹⁾ Остыки считаютъ обширныя земли, прилегающія къ ихъ селеніямъ, своей частной собственностью и называютъ ихъ „вотчинами“. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они не имѣютъ никакихъ актовъ и документовъ, которые подтверждали бы ихъ права на эти земли. Весьма немногие имѣютъ купчія крѣпости и закладныя, напр. Нарыгины въ Бийгатскихъ.

приняли на себя обязанность воспитывать этихъ дѣтей и „справлять“ за нихъ земскую гоньбу.

Теперь двумъ Ляскавымъ уже около 30-ти лѣтъ, но приписать ли это тому, что они выросли безъ родителей или чemu другому, они сдѣлались какими-то неудачниками и, по словамъ Тайлаковыхъ, малоспособны къ работѣ. Несмотря на свой зрѣлый возрастъ, они не женятся, не разсчитывая прокормить семью своимъ трудомъ. Пока они живутъ у Тайлаковыхъ и помогаютъ имъ въ рыбной ловлѣ, которая составляетъ главное ихъ занятіе.

Промышляютъ въ Демьянкѣ и въ 2-хъ большихъ сорахъ Потырскомъ и Нелымскомъ, приглашая крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень Трухиной, Ярковой и др. Ловъ происходит въ артельныхъ началахъ и невода сшиваются изъ отдѣльныхъ „дѣлей“, причемъ за право пользованія угодьями крестьяне уплачиваютъ, осякамъ - „вотчинникамъ“ — $1\frac{1}{2}$ — 2 руб. съ человѣка и кромѣ того угощаютъ ихъ водкой.

За 2 осеніе мѣсяца, когда происходит этотъ ловъ выручаютъ въ среднемъ 30—50 руб. на пай¹), иногда меньше, иногда больше. Приблизительно столько же выручаютъ при помощи мордъ и „чердаковъ“.

Другое, тоже важное занятіе осяковъ,—зѣроловство. Предпринимаютъ его обыкновенно небольшими артелями въ 2—5 человѣкъ, въ числѣ которыхъ бываютъ и русскіе. Добыча, кѣмъ-бы она ни была добыта, всегда дѣлится поровну между всѣми членами артели. Впрочемъ, есть и небольшое отступленіе отъ этого общаго правила, именно, если въ числѣ охотниковъ есть лица, мало свѣдущія въ зѣриномъ промыслѣ, какими иногда являются крестьяне, то имъ приходится довольствоваться частью пая. За право пользоваться урманомъ, крестьяне уплачиваютъ „вотчинникамъ“ по 1 руб. съ человѣка. Само собой разумѣется, что количество животныхъ, добытыхъ въ извѣстный періодъ времени, весьма разнообразно и что удача охоты зависитъ отъ весьма много-

¹⁾ Напр. въ Пумкоевскихъ юртахъ на пай приходилось въ 1885 г.—33 р., въ 1886 г.—53 руб.

гихъ условій, напр. нынѣшней весной 2 Тайлаковыхъ и 2 крестьянина въ 2—3 недѣли добыли 18 соболей и 2-хъ лосей, что, при средней цѣнѣ шкурки соболя въ 4 руб. и при стоимости лосиной кожи въ 5 руб., будетъ равно 86 руб. или $21\frac{1}{2}$ р. на пай.

Вообще эти два животныхъ составляютъ главный предметъ охоты въ бассейнѣ р. Демьянки и довольно многочисленны. Нынѣшней осенью лоси появились въ здѣшнихъ лѣсахъ въ значительномъ количествѣ, какого уже давно не было замѣчено и большими стадами направлялись на югъ въ обширные урманы Тарского округа. Вмѣстѣ съ ними шли и олени. Подобные перекочевки этихъ животныхъ замѣчаются обыкновенно каждый годъ, только въ нынѣшнемъ году онѣ приняли болѣе грандиозные размѣры. Явленіе это, по словамъ осяковъ, предвѣщаетъ многоснежную зиму на сѣверѣ и дѣйствительно, какъ потомъ оказалось, снѣга выпадали въ большомъ изобилии впродолженіи цѣлаго ноября и части декабря. Обратный ходъ лосей бываетъ ранней весной, начиная съ марта мѣсяца.

Этими то переходами лосей и оленей охотники и пользуются для ихъ добычи. Въ мѣстахъ, гдѣ лежать ихъ главные пути, устраиваютъ легкую засѣку или изгородь въ одну жердь и кое гдѣ оставляютъ ворота или проходы. Здѣсь настораживаютъ луки съ большими стрѣлами, которая чаходятся въ соединеніи съ бичевкой или „симой“, натянутой поперегъ прохода. Будучи задѣта лосемъ при его попыткахъ пройти черезъ ворота, ова спускаеть стрѣлу, которая и вонзается въ его бокъ. Чтобы ударъ хорошо пришелся, стрѣлу настораживаютъ ровно па шесть четвертей отъ земли, но и въ этомъ случаѣ онѣ не всегда бываетъ смертельны и тогда лося „сочатъ“, т. е. отыскиваютъ по кровяниому слѣду. Одинъ человѣкъ ставитъ 30—50 луковъ. Въ подобныхъ же проходахъ иногда роютъ ямы, что однако рѣже практикуется по Демьянкѣ.

Около Крещенья, когда лось не дѣлаетъ большихъ переходовъ, и держится въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ, его „скрадываютъ“ на неслышныхъ „подволосныхъ“¹⁾ лыжахъ и убиваютъ изъ винтовокъ.

¹⁾ Лыжка, подбитая лясиной шкурой (съ ногъ).

Лѣтомъ, около Петрова дня, въ самый жаръ, его стрѣляютъ съ лодокъ, когда онъ ночью заходитъ въ рѣки и озера, чтобы спастись отъ комаровъ и оводовъ. Но самая популярная охота на лося бываетъ около великаго поста, когда вслѣдствіе понеремѣнныхъ оттеплей и морозовъ снѣгъ покрываются твердой корой, т. е. когда образуется насть, который въ состояніи сдержать человѣка, собаку, иногда даже оленя, но не тяжелаго лося. Въ это время его преслѣдуютъ во всей обширной области, черезъ которую протекаетъ Иртышъ, Демьянка, Туртасъ и др. рѣки, какъ остыки, такъ и крестьяне. Охота эта продолжается нѣсколько дней, иногда недѣлю и болѣе, такъ какъ приходится гнать лося 30—50—100—200 верстъ, смотря потому, на какой день его настигаютъ. Сначала онъ бѣжитъ быстро и далеко опережаетъ охотника, но скоро утомляется, острыя ледяная кора рѣжетъ ему ноги до крови, онъ слабѣетъ и наконецъ падаетъ въ изнеможеніи, становясь добычей охотника. Гонка эта требуетъ большаго напряженія силъ, въ виду чего про остыка или крестьянина, преслѣдующаго лося, здѣсь говорятъ: онъ „пластается“ за лосемъ. Бѣгъ происходитъ на лыжахъ и длится цѣлые часы безъ перерыва, причемъ охотникъ долженъ нести на себѣ ружье и небольшой запасъ хлѣба на случай, что придется провести нѣсколько дней въ лѣсу. Верхняя одежда состоить изъ 2 хъ легкихъ шабуровъ, которые однако виѣ бѣга недостаточно предохраняютъ отъ холода, особенно когда приходится проводить ночь подъ открытымъ небомъ у огонька; болѣе-же теплая одежда неудобна, такъ какъ мѣшаетъ быстротѣ движеній.

Такимъ образомъ лося, это украшеніе сибирскихъ лѣсовъ, убиваютъ круглый годъ безъ всякой пощады, какъ русскіе, такъ и остыки и не будь вымирания остыковъ-звѣролововъ, подобное истребленіе навѣрно повлекло бы за собою его уменьшеніе въ здѣшнихъ лѣсахъ, что дѣйствительно и замѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. во всемъ Тюменскомъ округѣ, гдѣ за исключеніемъ сѣвера, онъ теперь рѣдокъ. Соболь, бѣлка и другія животныя имѣютъ отдыхъ лѣтомъ, однимъ словомъ во весь тотъ пе-

ріодъ, когда они носятъ свой лѣтній мѣхъ, не представляющій цѣнности, лось же, у котораго цѣнится не мѣхъ, а кожа, очевидно находится въ исключительномъ положеніи. Мясо его, правда, идетъ въ пищу, но сдвѣ-ли $\frac{1}{3}$ часть его можетъ быть утилизирована, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что часть добычи уничтожается медвѣдями, доставка 15—25 пудовыхъ тушъ черезъ лѣсъ за 50—100 и болѣе верстъ, при полномъ отсутствіи дорогъ, слишкомъ затруднительна, чтобы ее стоило предпринимать. Еще менѣе можетъ быть оправдано подобное же истребленіе оленя, шкура котораго вообще цѣнится низко, 1—2 руб., и идетъ даже за 50—75 коп., если она свищевата, что случается довольно часто.

Выше мы сказали, что охотникъ иногда преслѣдуетъ лося 100 и болѣе верстъ. Здѣсь невольно можетъ возродиться вопросъ, какимъ образомъ онъ поступаетъ въ томъ случаѣ, когда его путь лежитъ черезъ чужую землю. Соблюдая права собственности ея владѣльца, онъ долженъ быть бы прекратить охоту на границѣ своей территории, но (съ другой стороны) въ данномъ случаѣ страдали бы его собственные интересы, такъ какъ его труды пропали бы даромъ. Если мы обратимся къ сельскому населенію и спросимъ его, какъ оно разрѣшаетъ подобные вопросы, гдѣ сталкиваются интересы звѣропромышленниковъ и владѣльцевъ земли, то узнаемъ о существованіи у нихъ обычного права, которое слѣдующимъ образомъ регулируетъ эти отношенія:

1) „Каждый остыкъ или крестьянинъ можетъ преслѣдовать животное, выгнанное со своей вотчины, по всемъ чужимъ владѣніямъ, черезъ которыхъ будетъ лежать путь, не платя при этомъ ихъ владѣльцамъ никакого вознагражденія.“

2) „Если животное, которое поднялъ на своей вотчинѣ одинъ охотникъ, будетъ убито другимъ, хотя бы владѣльцемъ земли, то сно принадлежитъ первому, который обязанъ только уплатить второму за выстрѣль или за выстрѣлы, которые тотъ сдѣлалъ“ (Обыкновенно поступаютъ такимъ образомъ, что первый снимаетъ шкуру и оставляетъ на долю втораго мясо и сало). „Только въ томъ

случаѣ посторонній можетъ воспользоваться лосемъ, поднятымъ и гонимымъ кѣмъ либо другимъ, когда этотъ послѣдній, выбившись изъ силъ, оставляетъ преслѣдованіе.

Благодаря существованію подобнаго мѣстнаго охотничьяго права, которое при этомъ соблюдаются всѣми въ мѣстности къ сѣверу отъ Тобольска, избѣгается масса разныхъ недоразумѣній, которыя не преминули бы возникнуть уже по той причинѣ, что границы между владѣніями отдаленныхъ сельскихъ обществъ часто даже не намѣчены. Не лише также прибавить, что серые споры или препирательства изъ за убитыхъ животныхъ или изъ за тему подобныхъ случаевъ здѣсь сравнительно рѣдки.

Соболя ловятъ зимой капканами или такимъ образомъ: прослѣдив по слѣду, гдѣ у него норка, окутываютъ ее или корень дерева, подъ который онъ спрятался, сапомъ или сѣтью и выпускаютъ его шумомъ и крикомъ. Соболь выскакиваетъ изъ своего уѣжища и запутывается въ сѣти. По пасту его гонять собаками, отъ которыхъ онъ спасается на деревья. Все вниманіе его сосредоточено на собакахъ и охотникъ имѣеть возможность незамѣтно подкрасться къ дереву со своей малопульной винтовкой.

Изъ другихъ пушныхъ звѣрей здѣсь встрѣчается выдра, которая годами бываетъ многочисленна, какъ и иныѣ. Ее подкармливаютъ у норъ, которая она дѣлаетъ во льду во время своего промысла за рыбой и затравливаютъ собаками или убиваютъ изъ ружь; добываютъ ее также капканами.

Лисица сравнительно рѣдка, но иногда выдаются годы, когда она попадается въ значительномъ количествѣ, напр., по словамъ Тайлакова, лѣтъ 6 назадъ, было 2 такихъ года къ ряду, когда артель въ 3—4 человѣка добыла при помощи капкановъ, въ первый годъ — 16 штукъ, во второй — 9, обыкновенно же въ одинъ годъ добываютъ на здѣшнія юрты 1—2 штуки. Чернобурая лиса составляетъ менѣе $\frac{1}{5}$ части общаго числа. Ее, повидимому, нельзя разматривать какъ особый видъ, а скорѣе какъ разновидность обыкновенной лисы, такъ какъ очень часто тѣхъ и другихъ находятъ вмѣстѣ въ одномъ гнѣздѣ, если ихъ родителями были обы-

кновенная и чернобурая лиса. Шкурка послѣдней цѣнится на мѣстѣ въ 40—50 руб.

Иногда молодыхъ лисятъ вынимаютъ изъ норъ и въ продолженіи цѣлаго лѣта воспитываютъ въ особыхъ помѣщеніяхъ. Убиваютъ ихъ осеню, когда волоса достигнутъ достаточной длины, чтобы обхватить палецъ. Съ этихъ поръ они уже не прибавляются болѣе въ длину или очень незначительно, но начинаютъ завиваться въ кольца, что, по словамъ охотниковъ, уменьшаетъ достоинство мѣха.

Россомаха рѣдка, стоитъ 10 руб., встрѣчаются однако и бѣловатыя, которая цѣняется значительно дешевле.

Рысь весьма рѣдка. Волкъ здѣсь не держится и заходитъ случайно изъ другихъ мѣстъ. Медвѣди попадаются довольно часто.

Изъ мелкихъ животныхъ, по численности, первое мѣсто занимаютъ зайцы, есть и бѣлки и бурундукі (*Tamiasstriatus*), но не въ большомъ количествѣ. Зайцевъ ловятъ капканами и „пастями“ или „слопцами“, бѣлокъ бываютъ изъ ружья и ловятъ „силиками“ и „плашками“. „Плашка“ состоитъ изъ толстой березовой плахи, которую однимъ концомъ ставятъ на землю, а другимъ — опираютъ на колышекъ. Отъ послѣдняго пдетъ бичевка къ небольшой палочки, на которую надѣваютъ соленаго язы, служащаго приманкой. „Плашка“ ставится на бѣличьей трошѣ, которую эти маленькие грызуны продѣлываютъ ранней весной, въ Великій Постъ, когда всѣдѣствіе глубины сиѣга имъ выгоднѣе передвигаться по торной дорожкѣ. Бѣлка, соблазнившаяся рыбкой, задѣваетъ за „симу“, выводитъ колышекъ изъ равновѣсія и „плашка“ ее придавливаетъ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ мѣхъ не носить слѣдовъ крови и дроби, то скучники обыкновенно платятъ за шкурки подобныхъ животныхъ 1—2 коп. дороже. Средняя цѣна бѣличьей и заячьей шкурки (безъ хвоста) — 10 коп.

Замѣтимъ, къ слову, ловлей зайцевъ и бѣлокъ ловушками занимаются преимущественно старики, которые этимъ добываютъ не менѣе 10 руб. за зиму и вносятъ такимъ образомъ свою посильную лепту въ семейный доходъ.

Такъ какъ до слѣдующаго селенія было не болѣе 10 верстъ,

то я рѣшилъ продолжать путь въ этой-же вечеръ. Ночь была темна, но вскорѣ тучи разсѣялись и показался возраждающійся мѣсяцъ, который своимъ слабымъ свѣтомъ освѣщалъ памъ путь, лежавшій почти все время по безмолвной рѣкѣ, скованной льдомъ.

Глядя на серпъ мѣсяца, старикъ Тайлаковъ, который былъ моимъ возницей, сказалъ: „вотъ теперь лучшее время ловить карасей“ и пояснилъ, что въ это время они ходятъ, между тѣмъ какъ въ остальные фазы луны спать и сравнительно неохотно перемѣняютъ мѣста.

Отъ этого и зависитъ удача въ ловлѣ во время новолуния. Фактъ, что луна имѣетъ влияніе на животныхъ и между прочимъ на рыбъ, не представляетъ конечно ничего нового, такъ известно, что подобныя-же явленія замѣчаются и въ бассейнѣ Зап. Двины и въ другихъ мѣстахъ Европейской Россіи относительно разныхъ породъ рѣчныхъ и озерныхъ рыбъ, напр. что у нихъ въ это время является то большее, то меньшее побужденіе къ принятию корма. Но все-же этотъ фактъ заслуживаетъ вниманіе въ томъ отношеніи, что указываетъ на наблюдательность этихъ простыхъ людей, живущихъ среди лѣсовъ, и что жизнь животныхъ, ихъ нравы и обычаи жителямъ этимъ часто лучше извѣстны чѣмъ натуралистамъ.

Благодаря своему знакомству съ природой, коренные жители здѣшнихъ странъ—остяки почти всегда добываютъ на охотѣ большее количество животныхъ, чѣмъ пришли русскіе, хотя вышеописанные способы охоты на лося и на др. животныхъ и не представляютъ повидимому большихъ затрудненій и не отличаются особой сложностью.

По этой то причинѣ крестьяне иногда и соглашаются участвовать въ артеляхъ звѣролововъ, получая только часть пая и это до тѣхъ поръ, пока они не усвоять себѣ всѣхъ необходимыхъ для настоящаго охотника познаній. Здѣсь необходимо знать множество второстепенныхъ условій, мелочей, такъ сказать, какъ напр. направление вѣтра, температуру, то или другое состояніе снѣга, его глубина и рыхлость, мѣсяцъ и тому под. и отъ удачнаго выбора времени и сочетанія этихъ условій и зависить успѣхъ въ

охотѣ и одинъ день иногда вознаграждаетъ за бесполезные труды въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Я могъ бы указать на нѣкоторыя предосторожности, соблюдаемыя при охотѣ па тѣхъ или другихъ животныхъ, которыхъ мнѣ удалось подмѣтить, но, не желая обременять читателя лишними подробностями, которыхъ, къ слову, имѣютъ мало общаго съ краткимъ наброскомъ экономического положенія и жизни здѣшняго населенія, я отложу ихъ до удобнаго случая.

Я разговаривалъ съ возницей, который оказался очень толковымъ и дѣльнымъ малымъ, а что онъ былъ хорошимъ хозяиномъ показывалъ уже его большой и удобный домъ, такъ и благопріятные отзывы сосѣдей. Онъ мнѣ рассказалъ о тѣхъ неудобствахъ, которыхъ представляла жизнь въ его отдаленной „вотчинѣ“ и какъ онъ рѣшился переселиться поближе къ центру. Проведя почти всю жизнь среди лѣсовъ и занимаясь въ прежнее время исключительно охотой, онъ славился какъ хорошій звѣроловщикъ и охотно передавалъ мнѣ свои похожденія во время охоты на лося и во время борьбы съ сильнымъ противникомъ человѣка—медвѣдемъ. Едва онъ успѣлъ окончить подобный разсказъ, какъ мы были уже въ виду Соровыхъ юртъ, нашего мѣста назначенія.

ГЛАВА III.

Соровыя юрты.—Выселокъ изъ Миркушиныхъ.—Семейная жизнь остыковъ.—Миркушинская юрта.—Вымирание остыковъ.—Русскіе промышленники въ юртахъ.—Праздничное ихъ время—препровожденіе.—Заботы жителей обеспечить себя на случай старческой бедности; наемъ постратокъ, усыновленіе дѣтей, приемъ дѣлыхъ семействъ.

Соровыя юрты представляютъ ничтожное какъ выселокъ изъ сосѣднихъ Миркушинскихъ юртъ, но слово „выселокъ“ не должно вводить читателя въ заблужденіе—приравнивать его къ выселкамъ, которые встречаются часто около многолюдныхъ деревень, гдѣ увеличеніе населенія и неудобство жить вдали отъ своихъ полей и луговъ заставляетъ часть жителей покидать родное пепелище и селиться поближе къ этимъ угодьямъ или даже около дикихъ

мѣстъ, которыя ими постепенно расчищаются и обращаются въ пашни. На мѣстѣ подобного выселка нерѣдко въ нѣсколько десятковъ лѣтъ выростаетъ порядочная деревня. Здѣсь нѣть ничего подобнаго и выселеніе не есть слѣдствіе увеличенія населенія которое вымираетъ какъ почти всюду по Демьянкѣ. Это переселеніе совершилось уже послѣ 10-й ревизіи и вызвано удобствомъ жить около рыбнаго сора. Прежде здѣсь были только рыболовныя избушки Миркушинскихъ остыаковъ, но потомъ 3—4 семьи выстроили себѣ на этомъ мѣстѣ дома и скоро совершенно перебрались сюда. Когда это случилось, остыаки обоихъ селеній подѣлили между собою свои рыболовныя угодья, такъ что теперь они владѣютъ ими особо и только урманъ у нихъ повидимому оставляется въ общемъ владѣніи.

Въ Соровыхъ юртахъ всего 4 дома, изъ которыхъ 2 принадлежать остыакамъ, 1—пустой вслѣдствіе смерти хозяевъ и 4-й, паконецъ, составляетъ собственность крестьянина, котораго здѣшніе остыаки приняли для подмоги въ земской гоньбѣ.

Я остановился въ домѣ одного остыака, у котораго была жена русская, красивая молодая женщина. Съ ними-же жилъ ея отецъ, уже сѣдой, но бодрый старикъ. Ихъ домъ состоять, какъ и у другихъ здѣшнихъ жителей, изъ одной небольшой стоны или комнаты, устройство которой вполнѣ сходно съ тѣмъ, которое я описалъ раньше. Около домовъ находятся кое какія службы: амбарчики и завозни на столбикахъ съ выемками, которыя препятствуютъ мышамъ пробраться къ сложеннымъ тамъ запасамъ,—какъ хлѣбъ, рыба, сало. Нѣсколько дальше расположены скотные дворы, которые состоять изъ небольшаго мѣста, обнесенного оградой, гдѣ имѣются 1—2 стайки для коровъ и для молодаго скота, а то и просто навѣсъ. Лошади рѣдко гдѣ имѣютъ теплое помѣщеніе и проводятъ всю зиму подъ извѣсомъ. Бани встрѣчаются въ видѣ исключенія и потому, если остыакъ пожелаетъ вымыться, что однажды случается весьма рѣдко, то отправляется къ знакомымъ, имѣющимъ баню, за 15—30 верстъ, а между тѣмъ выстроить свою, при изобилии лѣса, конечно не представляло бы затрудненій.

У моихъ хозяевъ не было дѣтей, какъ и въ сосѣднемъ остыакомъ семействѣ, но, такъ какъ они были еще молоды, то у нихъ дѣло спорилось: остыакъ ходить неводить и промышлять звѣря, жена смотритъ за домомъ, ткетъ холстъ на всю семью и по временамъ тоже помогаетъ мужу въ его работахъ, напр. весной промышляетъ рыбу „кривдой“, зимой сидѣть около огонька у чердака, исполняя чередъ мужа и давая ему возможность заняться въ это время другимъ дѣломъ. Эти работы далеко нелегки и дѣлаютъ честь трудолюбию подобныхъ женщинъ.

Дѣйствительно, проводить день и ночь на льду, въ морозъ, далеко непріятно и не вполнѣ безопасно, напр. эта женщина, однажды, при подобномъ занятіи, удостоилась посѣщенія косолапаго Мишки, который однако, походивъ кругомъ, удалился ворча, можетъ быть убоявшись огня.

Старикъ тоже что-нибудь работаетъ около дома и добываетъ „настями“ и другими ловушками зайцевъ и бѣлокъ, ловить „пленками“ куропатокъ и кромѣ того помогаетъ промышлять рыбу мордами. Однимъ словомъ всякий имѣеть свое дѣло и отъ этого здѣсь и не видно нужды, которая вкрадывается въ семью уже позже, когда хозяева начинаютъ стариться, не имѣя около себя молодаго поколѣнія.

Утромъ молодая чета меня доставила въ Миркушинскія юрты, сравнительно крупное селеніе, состоящее изъ 5-ти одностонныхъ юртъ. Населеніе ихъ, какъ и населеніе Соровыхъ юртъ, составляютъ представители рода Полиныхъ, число которыхъ въ X ревизію, т. е. всего 10 лѣтъ назадъ достигало цифры 38 душъ обоего пола (21 м. и 17 ж.), а теперь ихъ всего 23 души (8 м. и 15 ж.) и распределены онѣ на 2 селенія. Малолѣтковъ весьма мало: на 7 семействъ рода Полиныхъ имѣется только одинъ мальчикъ — подростокъ и 2—3 дѣвочки, что конечно недостаточно, чтобы удержать численность населенія на приведенной выше цифрѣ, принимая во вниманіе сравнительно большую смертность жителей и отсутствіе всякой медицинской помощи.

Передаютъ, что нынѣ весной у нихъ появилась какая-то кру-

тая болѣзнь, отъ которой умерло по Демьянкѣ болѣе 10 душъ дѣтей и взрослыхъ, что, при здѣшнемъ слабомъ населеніи, составляетъ уже очень значительный процентъ.

Большая часть осяковъ въ это время находились въ лѣсу, въ избушкахъ, за 30—50 и болѣе верстъ отъ дома, гдѣ они промышляли лося и соболя. Нѣкоторые занемогли тамъ и умерли безъ всякой помощи, но большая смертность была въ юртахъ и многіе, возвратясь съ охоты, не досчитались нѣкоторыхъ изъ своихъ близкихъ и тогда плачъ и вой огласилъ всю Демьянку. Такъ какъ въ это время занемогла значительная часть жителей, то и тѣ, которые остались въ живыхъ, окончательно выбились изъ силъ; но хуже всего было положеніе тѣхъ семействъ, гдѣ всѣ лежали.

Средствъ противъ эпидемическихъ или повальныхъ болѣзней, какъ напр. противъ горячки, здѣшніе жители не знаютъ и обыкновенно ограничиваются тѣмъ, что обѣщаютъ въ случаѣ выздоровленія принести Земляному въ жертву лошадь, значительно рѣже призываютъ кого-нибудь, кто знаетъ нѣсколько шаманить и онъ, при помощи заклинаній и шума, старается напугать болѣзнь, чтобы она оставила больного. Проживающая въ Миркушинскихъ юртахъ кривая и хромоногая старуха славится шаманомъ по Демьянкѣ, къ ней обращаются при всякомъ затруднительномъ случаѣ и безъ ея согласія ничего не предпринимаютъ. Быть можетъ она играетъ и роль доктора.

Фельдшеръ, живущій въ Демьянкѣ, здѣсь не бываетъ и свѣдѣнія о числѣ умершихъ отъ разныхъ эпидемическихъ болѣзней не собираются и никуда не доставляются, потому что съ 1868 года, когда Верхне-Демьянская волость была присоединена къ Демьянской, въ ней прекратилось всякое флюорон производство и единственная данная, которая можно получить обѣ этой волости въ Демьянскомъ волостномъ правлении суть — число ревизскихъ душъ и годныхъ работниковъ, которые въ то-же время являются и платежными душами.

Умершихъ хоронятъ сами осяки, соблюдая при этомъ нѣкоторые языческие обряды, а священникъ, посыпая эти мѣста каж-

догодно въ декабрѣ или январѣ мѣсяцѣ для исполненія требъ, читаетъ надъ ними заупокойную и получаетъ отъ болѣе зажиточныхъ лошадь или корову для поминковъ.

Когда мы приѣхали въ Миркушины юрты, то нашли ихъ переполненными крестьянами, которые здѣсь промышляютъ вмѣстѣ съ вотчинниками въ продолженіи ноября и декабря.

Привезя съ собой хлѣбъ, чай и еще кое что, они живутъ у осяковъ, пользуясь своими харчами и не платя ничего за постой. Въ юртахъ-же они проводятъ и праздники и для развлечения переходятъ изъ дома въ домъ, пьютъ другъ у друга чай, шутятъ и сплетничаютъ; иногда какойнибудь престарѣлый солдатъ начинаетъ разсказывать о своихъ походахъ на венгерца или на турка и о тѣхъ диковинкахъ, какія онъ видѣлъ въ Варшавѣ и въ Москвѣ или кто-нибудь начнетъ сказку и всѣ стоятъ около разкащика, старъ и младъ и дрожающій свѣтъ лучины освѣщаетъ живописную группу слушателей, собравшихся въ кружекъ. Болѣе беспечные при этомъ сидятъ и слушаютъ, покуривая трубку, но болѣе трудолюбивые и теперь находятъ работу: мужчины кроятъ бродни или устраиваютъ какую-нибудь ловушку, женщины прядутъ. Вокаряется тишина, среди которой глухо раздается монотонный голосъ разкащика, прерываемый иногда кашлемъ и только изрѣдка, при страшныхъ или печальныхъ эпизодахъ, какаянибудь старуха пробормочетъ „Господи Иисусе Христе“ или „Мать Пресвятая Богородица!“ и глубоко вздохнетъ...

Если кому-нибудь удастся раздобыть водки, то тогда начинаютъ съ пѣсень и плясокъ и картина принимаетъ болѣе безшабашный характеръ. Нерѣдко дѣло кончается сниками, чemu не мало способствуютъ здѣшнія женщины, какъ осячки, такъ и русскія, которая всѣ пьютъ не меньше мужчинъ, чего, къ слову, нѣть въ русскихъ волостяхъ по Иртышу. Но не всѣ осяки имѣютъ возможность провести праздники дома: звѣровщики и нѣкоторые рыбаки, промышляющіе за нѣсколько десятковъ верстъ, не могутъ часто бывать дома и, поэтому, проводятъ праздники въ своихъ убогихъ избушкахъ, валяясь цѣлый день на лавкахъ и тоже,

если ихъ нѣсколько, выдумывая что нибудь для развлеченія: рассказы, игру въ карты и тому под. Справившись, гдѣ поменьше народа, я остановился въ домѣ, гдѣ жилъ всего одинъ крестьянинъ, но все-же нась было 8 человѣкъ въ маленькой душной комнатѣ, такъ какъ кромѣ рыбака и хозяевъ здѣсь остались ночевать и доставившіе меня сюда возницы.

Спали конечно всѣ въ повалку, кто гдѣ могъ, я на своей складной кровати, которая при мириадахъ наскомыхъ всѣхъ видовъ, здѣсь мирно проживавшихъ, оказывала лишь хорошія услуги. Замѣчу здѣсь, что она всякий разъ возбуждала удивленіе и „дивованіе“ простодушныхъ жителей.

Весь вечеръ мы бѣдовали при свѣтѣ лучинки и когда огонь потушили и каждый изъ нась занялъ свое мѣсто, то скоро послышался громкій храпъ изо всѣхъ угловъ, къ которому присоединялись еще кряхтѣніе старухъ, пискъ ребенка и громкіе кукаруеку пѣтуха, сидѣвшаго вмѣстѣ съ курами въ теплѣ подъ печкой.

Семьи здѣсь небольшія, какъ и всюду по Демьянкѣ, состоятъ изъ 1—4 человѣкъ обоего пола, среди которыхъ старики и старухи составляютъ значительный процентъ и это есть одна изъ причинъ, почему здѣсь, несмотря на хорошие, иногда, заработки, не видно болѣе или менѣе зажиточныхъ. А когда сами хозяева начинаютъ старѣть, то при отсутствіи дѣтей, которыхъ подросши, принятіи бы на себя часть трудовъ, хозяйство начинаетъ приходить въ видимое разстройство. Хозяину уже трудно переносить всѣ невзгоды промысловъ, а старуха не можетъ управляться съ домомъ, гдѣ, кромѣ своихъ, часто живутъ еще артельщики. У нихъ является страхъ за будущее и вотъ они стараются что нибудь придумать, чтобы обезпечить себѣ пропитаніе на тотъ случай, когда они уже не будуть въ состояніи работать.

Этотъ затруднительный вопросъ они решаютъ такимъ образомъ, что принимаютъ себѣ работника (за 20—35 руб. (или чаще работницу (за 15 руб. въ годъ), которые за нихъ ходятъ промышлять въ сорахъ и рѣчкахъ, получая за это неводной пай. Крестьяне хотя и неохотно, но всетаки принимаютъ въ артель

женщинъ и подростковъ, которыхъ ставятъ вмѣсто себя оставки—вотчинники.

Нанимая работницу, оставки имѣть въ виду слѣдующее соображеніе: если у него 2 пая, то, чтобы вполнѣ воспользоваться своими выгодами, онъ долженъ имѣть 2-хъ людей. Если онъ еще не очень старъ, то конечно самъ идетъ неводить или за него идетъ жена, даже дочь, начиная съ 13 лѣтъ, а на 2-й пай онъ можетъ послать постратку, которой платить въ годъ 15 руб., между тѣмъ какъ средняя выручка съ пая бываетъ не менѣе 30—40 руб., а иногда и больше. Конечно она живеть на хозяйственныхъ харкахъ, но разъ кушанье варится на 2-хъ, то расходъ на 3-го Ѣдока не будетъ значителенъ, а между тѣмъ постратка еще помогаетъ ставить морды, косить сѣно, возить домой дрова и исполняетъ разныя домашнія работы.

Если бы оставки продать этотъ свой пай, то выручить бы 2—3 руб. или въ лучшемъ случаѣ 4—6 руб., если онъ имѣть угодья въ 2-хъ мѣстахъ. Выгода имѣть работниковъ ясна.

Но слѣдуетъ замѣтить, что здѣшнія постратки не обладаютъ качествами, которыхъ свойственны хорошимъ работницамъ: привязаніемъ и преданностью къ дому. Отъ этого и происходитъ, что онъ все дѣлаютъ кое какъ, никакъ не заботясь объ интересахъ хозяевъ. Если подобное явленіе и замѣчается почти всюду, гдѣ примѣняется наемный трудъ, то это въ особенности касается области Демьянки: дѣйствительно, нигдѣ мнѣ не приходилось видѣть такихъ лѣнивыхъ и нерадивыхъ работницъ, какъ здѣсь.

Поэтому, повидимому, практически поступаютъ тѣ изъ оставокъ, которые берутъ себѣ приемышей—явленіе тоже здѣсь весьма обыкновенное. Принимаютъ мальчиковъ и девочекъ, оставокъ и русскихъ въ надеждѣ, что подросши, они замѣнять имъ сыновей и дочерей, но, къ сожалѣнію, судя потому, чому я былъ очевидцемъ и что я узналъ изъ ихъ разсказовъ, расчеты ихъ далеко не всегда оправдываются и людская неблагодарность здѣсь можетъ быть болѣе чувствительна, чѣмъ въ другихъ случаяхъ: девушки, подросши, выходить замужъ и при этомъ весьма часто покидаетъ сво-

ихъ кормильцевъ, а парень иногда не оказываетъ своимъ новымъ родителямъ должного почтенія и подчасъ даже попрекаетъ ихъ безпомощностью. Случается, что онъ ихъ даже бросаетъ, но конечно бываютъ изъ нихъ и болѣе благодарные.

Въ иѣкоторыхъ юртахъ можно замѣтить и постратку и приемы-ша, если послѣдній еще малъ. Наконецъ есть еще способъ обеспечить себѣ спокойную старость, способъ болѣе рѣдкій, который можетъ имѣть мѣсто въ исключительномъ случаѣ, именно, когда одна семья, вслѣдствіе вымирания другихъ, становится единственной обладательницей обширныхъ вотчинъ. Если эта семья бездѣтна, то она иногда принимаетъ къ себѣ другую, остаткую или русскую, имѣющую дѣтей, и усыновляетъ ее, если такъ можно выразиться, то есть по завѣщанію, которое скрѣпляется подписью волостныхъ начальниковъ, дѣлаетъ ее непосредственной наследницей своихъ вотчинъ. Она же за это обязуется кормить и поить принявшую ее семью до смерти всѣхъ ея членовъ. Подобный случай мы напр. встрѣчаемъ въ Лумкоевскихъ юртахъ, гдѣ единственными наследниками является престарѣлая чета Лаптышевыхъ. Они на вышеописанномъ условіи приняли къ себѣ въ домъ одну русскую семью, которая ихъ и кормитъ. Другой подобный случай мы видѣли въ Потырскихъ юртахъ, гдѣ Тайлаковъ за право пользованія вотчиной воспиталъ и теперь кормитъ 2-хъ Ляскановыхъ, оставшихся сиротами по смерти родителей. Но здѣсь положеніе Тайлакова иѣсколько менѣе прочно, такъ какъ, за отсутствиемъ старшихъ въ семье, онъ не получилъ никакой бумаги, которая бы подтверждала его права на вотчину или покрайней мѣрѣ право проживать въ ней, а что подобное обезспеченіе никогда не излишне, тому можетъ служить доказательствомъ то обстоятельство, что недѣло Ляскановы, поссорившись съ Тайлаковымъ, грозятъ выжить его изъ ихъ вотчины. Не менѣе шатко иногда и положеніе другихъ семей, принятыхъ въ юрты за известную плату или просто за помошь въ отбываніи земской гоньбы. Они иногда начинаютъ устраиваться или уже обжились, когда недоразумѣніе съ вотчинниками заставляетъ ихъ опасаться за все свое обзаведеніе,

въ виду чего болѣе благоразумные, при принятіи ихъ, требуютъ пріемный приговоръ и даже, кромѣ того, испрашиваютъ разрѣшеніе начальства поселиться съ согласія вотчинниковъ на ихъ земляхъ. Такая предосторожность обезпечиваетъ до известной степени покойное пребываніе на новомъ мѣстожительствѣ, такъ какъ остаткъ не всегда рѣшится нарушить условіе, скрѣпленное подписью начальниковъ. Такъ поступили напр. 2 семьи Синайловыхъ, которыхъ тѣ-же Лаптышевы приняли въ свои юрты.

Особенно грустное впечатлѣніе производятъ тѣ семьи, которыхъ ничего не предприняли на случай своей старческой беспомощности или у которыхъ умерли или ушли приемыши. Видно какъ съ дряхлѣніемъ стариковъ хозяйство все болѣе приходитъ въ разстройство: сломанная посуда уже не замѣняется новой, оторванная отъ стайки доска такъ и лежитъ, пока кто-нибудь не изрубитъ ее на дрова и все въ томъ-же родѣ, а случившаяся съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ болѣзнь окончательно выводить все изъ колеи. Къ сожалѣнію таково положеніе значительной части остаточныхъ семей по Демьянкѣ.

ГЛАВА IV.

Путь въ Лумкоенскія юрты („лѣтникъ“).—Слѣды животныхъ.—Рыболовная избушка.—Черемкоевы юрты въ прошломъ и въ настоящемъ.—Ихъ наследница.—Лумкоевы юрты.—Вечерняя бесѣда съ остатками.—Преданія старины.—Типъ Демьянскихъ остатковъ.—Искусственная семья.—Паралиты въ остаткѣ семѣй.

До Лумкоевскихъ юртъ считается около 40 верстъ, но по дорогѣ есть одна перепряжка, иначе пришлось бы почевать посреди пути, такъ какъ лошади врядъ-ли были бы въ состояніи выдержать столь длинную и тяжелую дорогу, какую намъ предстояло преодолѣть.

Несмотря на позднее время года, настоящій зимній путь еще не установился. Болота и ливы, черезъ которыхъ онъ пролегаетъ еще не промерзли, въ виду того, что снѣгъ нынѣшней осенью палъ на талую землю и притомъ въ большомъ изобиліи. Чтобы избѣжать это неудобство, пробираются болѣе возвышенными мѣста-

ми, гдѣ только это оказывается возможнымъ, хребтами, берегами рѣкъ, гравками. Все это сплошь покрыто густымъ лѣсомъ, чрезъ который приходилось просто проридаться. Путь этотъ проложенъ въ первый разъ всего нѣсколько дней тому назадъ рыбаками, которые шли неводить въ остицкихъ сорахъ, раньше-же здѣсь вѣроятно никто никогда не ъездилъ, въ виду того, что нынѣ годъ исключительный. Скажемъ, къ слову, что такой путь, по которому ъездятъ только въ распутьцу, минуя пространства, покрыты водой и болота, называется въ Тобольскомъ окружѣ „лѣтникомъ“, хотя однако и не слѣдуетъ предполагать, что здѣсь проходитъ сообщеніе и въ лѣтнее время, когда Демьянка служить единственной дорогой во всѣ юрты, лежащія по ея течению и по ея притокамъ.

Мы—то поднимаемся на гравку, ъдемъ по ея вершинѣ, спускаемся въ логъ и при первой возможности опять взираемся на какую-нибудь возвышенность, старательно избѣгая низменныхъ мѣстъ, гдѣ недавно одинъ крестьянинъ, ъхавшій впереди „каравана“, потошилъ лошадь, вытащить которую изъ ила („ниши“) стоило немалыхъ усилий его спутникамъ. Зато намъ приходилось то и дѣло проридаться сквозь ивовые кусты, проползать пригнувшись подъ свѣсившимися надъ дорогой елями, перескакивать черезъ ихъ стволы, залѣзать въ сугробы и т. д.

Лошади стали выбиваться изъ силъ. Хорошо еще, что надо было пересѣчь нѣсколько небольшихъ соровъ и Демьянку, гдѣ ъзда легче вслѣдствіе того, что во время теплой погоды вода подъ давленіемъ снѣга выступаетъ наружу, прощипываетъ его и, быстро образуя твердую кору¹⁾), замерзаетъ на поверхности. Но и здѣсь не всегда было вполнѣ безопасно: кое-гдѣ ключи, виадающіе въ Демьянку, такъ подмыли ледъ, что онъ сталъ толщиной въ $1/2$ верш. и даже тоньше, хотя снаружи подобныхъ мѣстъ весьма часто не представляютъ никакихъ отличій отъ смежныхъ. Намъ тоже случилось паткнуться на такое полое мѣсто,

¹⁾ Эта кора наслѣда и снѣга извѣстна въ здѣшнихъ краяхъ подъ названіемъ „на леди“.

когда мы нѣсколько уклонились отъ дороги, которую совершило занесла недавняя метель. Передняя лошадь, на которой я ъхалъ, по оглобли провалилась въ воду, но по счастью здѣсь было не глубоко и, спрыгнувъ съ саней, мы, съ ямщикомъ, помогли лошади выкарабкаться на болѣе толстый ледъ. Во избѣжаніе подобныхъ казусовъ, мы нѣкоторое время шли пѣшкомъ, причемъ шествіе открывали ямщики, которые кое когда испытывали пешими толпами льда, но, за исключеніемъ этого одного мѣста, путь болѣе вездѣ добрый.

Судя по большому числу разныхъ слѣдовъ, которые пересѣкали дорогу и дѣлали около нея нетли, можно было заключить, что здѣшняя мѣстность представляетъ благопріятныя условія для звѣроловства. Остяки-ямщики съ готовностью объясняли мнѣ значение этихъ слѣдовъ и я узналъ, что одни принадлежатъ лисѣ, другіе, болѣе мелкіе, соболю и бѣлкѣ и наконецъ крупные продолговатые „сохатому“ или лосю. Особенно характерны слѣды выдры, которые намъ однажды встрѣтились въ большомъ количествѣ, когда мы ъхали по одной рѣчкѣ. Они представляютъ изъ себя дыры или небольшая проруби во льду, черезъ которыхъ выдра во время своей охоты попадаетъ въ воду. По всей вѣроятности они были продѣланы весьма незадолго до нашего проѣзда, такъ какъ еще не подернулись льдомъ. Остяки прикладывали ухо къ этимъ отверстіямъ, желая узнать, не находится ли звѣрекъ по близости, но ничего не слышали. Продолжая путь, они посѣтовали, что мѣсто находится на чужой вотчинѣ и что, вслѣдствіе этого, имъ нельзя испытать своего счастья.

Поднявшись еще разъ съ Демьянки на крутой ея берегъ, мы остановились у рыболовной избушки, расположенной на мѣстѣ бывшихъ Урматскихъ юртъ, жители которыхъ имѣли судьбу Карабашевскихъ, Ситиковскихъ и другихъ остяковъ. Земли ихъ, за исправлѣніе гоньбы за бывшихъ вотчинниковъ, присвоили себѣ ихъ сосѣди — Черемкаевскіе остяки. Въ избѣ проживаютъ во время зимняго промысла крестьяне вмѣстѣ съ наслѣдницей Черемкаевскихъ „вотчинѣ“, которая неводить съ ними на паевыхъ началахъ, но,

такъ какъ крестьяне невотчинники, то они уплачиваютъ ей, какъ полагается, кортомъ въ размѣрѣ $1\frac{1}{2}$ — 2 руб. съ человѣка и послѣ этого всѣ становятся совершенно равноправными членами одной артели.

Избушка, при нашемъ пріѣздѣ, оказалась пустой и мы поѣхали на ближній соръ, гдѣ происходилъ самый ловъ рыбы. Пока двое изъ рыбаковъ ходили за конями и зарягали ихъ, я могъ еще разъ посмотреть процедуру, какая бываетъ при ловѣ рыбы въ зимнее время. Рубятъ 2 ряда прорубей, нурятъ въ обѣ стороны, т. е. передвигаютъ подольдомъ при помощи длинныхъ шестовъ (нурила) веревки, съ прикрепленными къ нимъ крыльями невода, изъ одной проруби въ другую и наконецъ вытаскиваютъ неводъ изъ одной большой проруби, называемой иногда „юрданомъ.“ Но, само собою разумѣется, что въ короткій срокъ моего пребыванія на сору я могъ видѣть только часть этихъ работъ, именно нуреніе, такъ какъ для полной тони требуется 4—5 часовъ или иначе въ 1 день кидаютъ 1, и много 2 тони.

Видѣть я и наслѣдницу Черемкоевскихъ юртъ, Наталью, девушку 19 лѣтъ, которая неводила съ крестьянами и не уступала имъ въ умѣніи и ловкости.

Въ верстахъ шести отъ избушки стоитъ на берегу Демьянки же большой 2-хъ этажный красивый домъ со службами, но онъ нусть и необитаемъ. Это все, что осталось отъ Черемкоевскихъ юртъ. Въ этомъ домѣ еще немного лѣтъ тому назадъ жила трудолюбивая остицкая семья. Хозяинъ дома составлялъ своего рода исключение среди остиковъ — не пилъ водки и поэтому жилъ весьма исправно и хозяйство его считалось лучшимъ по всей Демьянкѣ. Но теперь обстоятельства измѣнились: Черемкоевъ, какъ и его супруга, сошли въ могилу, оставивъ послѣ себя 3-хъ малолѣтковъ, которыхъ взяла на воспитаніе тетка, живущая на Иртышѣ въ Кошелевскихъ юртахъ, а домъ заколотили. Когда старшая дочь подросла, она, собравъ артели крестьянъ, сама стала эксплуатировать свои рыболовныя угодья, проживая во время промысла, вмѣстѣ съ ними, въ рыболовной избушкѣ. Въ лѣтнѣе времена она пред-

почитаетъ паниматся въ работницы, чѣмъ жить одной въ большомъ пустынномъ домѣ на десятки verstъ вдали отъ жилья. Какъ обладательница обширныхъ вотчинъ и какъ хорошая хозяйка, она считается выгодной невѣстой по Демьянкѣ, но прибавлю здѣсь, что, къ сожалѣнію, въ этомъ краѣ жениховъ почти не имѣется.

Отъ Черемкоевскихъ юртъ дорога сдѣлалась еще хуже: глубокій снѣгъ, ини, паваленные на землю, деревья, очень затрудняли путь. Санки прыгали вверхъ и внизъ въ стороны, ударялись о близкій стоящій деревья, которыя при этомъ обдавали насъ спѣшной пылью, и часто опрокидывались.

Иногда попадались по дорогѣ бѣлныя буроинатки, которая мирно сидѣли на деревьяхъ, мало смущаясь при видѣ проѣзжающихъ саней и за свою довѣрчивость 2 изъ нихъ поплатились жизнью, доставивъ мнѣ возможность поразнообразить свою неприхотливую пищу, которая, впродолженіи цѣлыхъ недѣль съ ряду, состояла, почти, исключительно изъ чая съ чернымъ хлѣбомъ, къ которому иногда присоединялась еще уха изъ нечищенныхъ окуней или пирогъ съ соленымъ яземъ.

Встрѣтившійся намъ на пути возъ съ сѣномъ поставилъ насъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ разѣхаться было негдѣ, а обѣхать возъ по снѣгу, глубиной болѣе чѣмъ въ 1 арш., не представлялось возможнымъ. Ямщики разрѣшили этотъ вопросъ такимъ образомъ, что влѣзли по ногамъ въ снѣгъ и слегка умяли и утолтали его ногами, послѣ чего намъ и удалось совершить обѣздѣ. Вскорѣ мы выѣхали на Демьянку, кони легче вздохнули и ямщики, обрадовавшись, что выбрались на добрый путь, затянули пѣсни, которая на цѣлыхъ версты неслись по пустыннымъ берегамъ рѣчки. Черезъ полчаса мы уже были въ виду Лумкоевскихъ юртъ, представляющихъ изъ себя небольшую деревеньку изъ 4 домовъ, но имѣющую, подобно многимъ здѣшнимъ селеніямъ, сравнительно большой видъ, чemu способствуютъ завозы и амбары, стоящіе поодаль отъ домовъ, не будучи заключены въ общей оградѣ подобно службамъ крестьянскаго двора.

Пѣсни нашихъ ямщиковыхъ смущили остиковъ: они полагали, что

это пріѣхали ихъ пайщики, крестьяне деревни Горно-Субботиной, которыхъ они поджидали со дня на день, и потому вышли къ намъ навстрѣчу.

Тотъ же вечеръ я созвалъ остыаковъ и, бесѣдую съ ними, узналъ много интереснаго, какъ изъ ихъ настоящей жизни, такъ и изъ жизни ихъ дѣдовъ и отцовъ. У нихъ сохранились еще преданія и легенды изъ того смутнаго времени, отстоящаго отъ настѣна нѣсколько столѣтій, когда остыаки должны были вести кровопролитныя войны, отстаивая свою назависимость и защищая своихъ жень и дѣтей отъ хищныхъ самоѣдовъ, которые въ тѣ времена своими внезапными набѣгами опустошали всѣ земли, лежащія по Демьянѣ, по нижнему течению Иртыша и по Кондѣ.

Бесѣда наипа продолжалась далеко за полночь и мы разстались друзьями, чмму конечно немало содѣйствовали водка и табакъ, которыми я ихъ подчиваѣ.

Лумкоевскіе остыаки, какъ и жители другихъ здѣшнихъ юртъ, вполнѣ сохранили свой остыакскій типъ: они средняго роста, крѣпкаго сложенія и нѣсколько сутоловаты. Имѣютъ плоское лицо, выдающіяся скулы, плоскій широкій носъ, черные гладкіе волосы, короткіе черные усы и слабую бороду.

Своими медленными и нѣсколько неповоротливыми движеніями, своимъ флегматическимъ характеромъ и наконецъ акцентомъ, съ которымъ они говорятъ по-русски, они напоминаютъ нашихъ финновъ. Это вирочемъ и слѣдовало ожидать въ виду того, что сходство языковъ тѣхъ и другихъ, и крошологическая изслѣдованія, подтверждаютъ родство обоихъ илеменъ.

Судьба Лумкоевскихъ остыаковъ тоже рѣшена и скоро и они исчезнутъ съ лица земли. Изъ 10 душъ обоего пола, которыхъ здѣсь числились въ 10 ревизію, теперь въ живыхъ только 2-е стариковъ Лантышевыхъ, а остальныя 4 остыакихъ семьи, которыхъ проживаютъ въ Лумкоевскихъ юртахъ, стороннія, „приплавныя“, по мѣстному выраженію, переселившіяся сюда около 20 лѣтъ тому назадъ: 1 изъ Тайлаковыхъ юртъ и 3 изъ Янышкиныхъ. Но и эти переселенцы почти бездѣтны, именно, на эти 4

семьи, имѣется всего одинъ ребенокъ, дѣвочка лѣтъ 2, остальные имѣютъ прѣмншай и держать постратокъ. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, въ области р. Демьянки преобладаетъ „искусственная“ семья, которая естьничто иное какъ соединеніе, ради экономическихъ интересовъ, въ одну семью лицъ, не связанныхъ узами родства.

Здѣсь мѣсто упомянуть еще объ одномъ классѣ людей, которые иногда получаютъ право гражданства въ остыакской семье и которые играютъ въ ней роль паразитовъ. Это лица разныхъ национальностей и сословій, половъ и возрастовъ, старики, старухи, ссыльные, слѣпые, хромые и т. д. которые, благодаря тѣмъ немногимъ познаніямъ, какими они обладаютъ и благодаря нѣкоторымъ мелкимъ работамъ, которыя они въ состояніи исполнить, весьма часто находятъ себѣ убѣжище у простодушныхъ остыаковъ. Напр. въ Лумкоевскихъ юртахъ въ 1-мъ домѣ я засталъ хромого старика, который участвовалъ въ неводѣбѣ и получалъ полный пай, хотя нетрудно себѣ представить насколько усѣвшно могъ исполнять подобную работу старики, который, благодаря своей деревянной ногѣ, съ трудомъ могъ ходить. Въ другихъ юртахъ жилъ старики изъ ссыльныхъ поляковъ, который умѣлъ немного плотничать и, какъ и первый, былъ полноправнымъ членомъ семьи и кормился на ея счетъ круглый годъ, хотя все, что онъ для нея сдѣлалъ, заключалось въ томъ, что онъ изладилъ 2 оконные рамы и починилъ дверь. Эти, и имъ подобные паразиты живутъ здѣсь годами и вполнѣ довольны своей судьбой, такъ какъ дома они были лишь временемъ для своихъ обществъ. Всякій, кто умѣетъ прочистить прорубь, принести охапку дровъ, или кто нѣсколько маракуетъ въ письмѣ или даже просто умѣетъ разсказывать разныя сказки и исторіи, можетъ разсчитывать на гостепріимство остыаковъ, по крайней мѣрѣ на извѣстное время.

Отношенія хозяевъ къ этимъ лицамъ вполнѣ почтительныя, хотя конечно нерѣдко случается, что остыакъ подъ пьяную руку и по-прекнетъ своего жильца дармоѣдствомъ и лѣнью, но до разрыва обыкновенно не доходитъ. Субъектъ пропускаетъ эти слова мимо

ушей и не обижается, а когда оба пропретятся, опять возстаются прежние дружеские отношения.

ГЛАВА V.

Вымирание Демьянских инородцев и его причины; отсутствие медицинских средств для борьбы с эпидемическими болезнями и антигигиенических условий, в которых поставлены их дети.—Семейные несчастья моих хозяев.—Прибытие Субботинских крестьян—рыбопромышленников.—Пиршество и свадьба.—Чествование Земляного брагой и бычачьими головами.—Сборы на промысел.—Остяки-звёроловы.—Выгоды и невыгоды, которые представляет нынешний год для охоты.—Средний доход звёролова.—Ведка подрывает благосостояние оставков.—Кто их виной снабжает водкой.—Лётная поездка оставков на Иртыш.—Богомолье в Абалакской монастыре.—Драчливость оставков и оставочек в пьяном виде.—Раннее курение табака.

До сих пор мы только указывали на явление вымирания инородцев, теперь же разсмотрим факты, которые могли бы пролить некоторый свет на этот предмет.

Известно, что убыль населения может зависеть от следующих двух причин: или от слишком слабой плодовитости жителей, когда число рождающихся не в состоянии уравновесить число умирающих, хотя смертность и может иметь нормальные пределы; или же от чрезмерной смертности детей, при достаточной плодовитости населения. Первый случай имеет чаще место среди более цивилизованных народов, напр. у французов, второй у некультурных, к которым принадлежит значительная часть вымирающих племен.

Что касается рассматриваемого нами случая, то нам кажется, что вымирание демьянских инородцев совершается по тому и другому способу, хотя слабая плодовитость оставков и играет тут главную роль. Здесь значительный процент семейства совершенно не имеют и не имели детей, весьма многие имеют только одного ребенка и много двух. Это явление мало изменилось и в том случае, когда оставки берут в жены русских девушек. Но с другой стороны первые и случаи, когда у оставков было 7—12 детей, из которых однако весьма редко кто оставался в живых.

Возьмем несколько примывров: семья Лаптиевых, теперь бездетьная, имела 15 детей; 2 семьи в Миркушинских юртах имели: одна—12 детей, другая—7 детей и из них остался в живых только один мальчик у последней, единственный наследник рода Полиновых, о котором мы уже упоминали.

Таким образом в этих семьях, из 34-х человек, детей умерло 33. Что же касается до причины столь сплошной смертности между детьми инородцев, то, не говоря уже о полном отсутствии каких-либо медицинских средств в борьбе с эпидемическими болезнями, это в значительной степени зависит от весьма плохого ухода, которым они пользуются. Большая разница температуры в комнате вечером и утром, дома и на улице, без сомнения служит одной из главных причин частых простудных болезней. Действительно, вследствие того что изба скоро выстуживается, нечайко вечеру обыкновенно так сильно калывают, что пребывание в подобной комнате сухим горячим воздухом весьма затруднительно, покрайней мере мнить от этого приходилось немало страдать, особенно в тёх случаях, когда присутствие в помещении какой-нибудь старухи или ребенка, препятствовало отворить дверь. В этих случаях я не мог уснуть до глубокой ночи, т. е. до тех пор, пока комната не начинала выстуживаться. Ребенок же, который обыкновенно помышляется на палатах, должен выносить температуру еще более высокую и, разметавшись во время сна, легко может простудиться утром, когда в комната становится очень холодно.

Принято здесь также мыть лицо и руки теплой водой. Всё эти привычки копечно в высшей степени неблагоразумны и неуместны в столь суровом климате, где свирепствуют северные ветры и где морозы нередко доходят до 35°R , а появились они сравнительно недавно, т. е. с тех пор, как здесь вошли во всеобщее употребление русская печи; прежде же, когда были чуваши, оставкам приходилось скорбеть от холода в комнатах, но последний копечно значительно меньше вреден для здоровья здешних жителей, привыкших к низкой температуре.

Пища, которая состоит иногда в продолжении целых месяцевъ почти исключительно изъ чая, хлѣба, лосинаго мяса, жаренаго въ салѣ, изъ ухи и изъ мороженыхъ ягодъ, тоже врядъ-ли можетъ составлять подходящую пищу для дѣтей и следствіемъ подобныхъ погрѣшностей въ дѣтѣ являемся инонъ, который уноситъ здѣсь много жертвъ.

Немало дѣтямъ приходится страдать и отъ угаровъ, которые весьма часты въ здѣшнихъ избахъ. Происходить они съ одной стороны отъ того, что остыки рано затворяютъ печь, чтобы лучше нагрѣть комнату и, съ другой стороны, отъ самоваровъ, которые ставить в продолженіи цѣлаго дня и обыкновенно въ комнатѣ; вслѣдствіе этого рѣдко проходить день, чтобы въ какихъ-нибудь избахъ не было угара.

Положеніе дѣтей становится еще болѣе плачевнымъ во время "праздниковъ", которые у остыковъ весьма многочисленны и обуславливаются присутствиемъ въ избахъ водки. Пьянство продолжается обыкновенно не менѣе 2—3-хъ дней, иногда цѣлую педѣлю, и въ это время дѣти почти забываются. Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь пьянистуютъ не одни мужики, какъ обыкновенно у русскихъ, у которыхъ жены только отчасти принимаютъ участіе въ кутежахъ своихъ мужей, но и женщины и подростки обоего пола, которымъ чадолюбивые родители даютъ кое-когда по $\frac{1}{2}$ рюмки, чтобы и они раздѣляли всеобщее веселье. Во все время, пока происходитъ пьянство, дѣти часто голодаютъ, падаютъ изъ людекъ, раскрываются и простуживаются, роняются матерями и даже задушиваются во время сна. Напр. у Тайлаковыхъ было нѣсколько дѣтей, но всѣ они умерли отъ неизвѣстной причины, какъ отозвались родители, относительно же послѣдняго я стороной узналъ, что онъ зачахъ послѣ того, какъ мать его въ пьяномъ видѣ бросила на лавку, причемъ отъ паденія у него стали сохнуть ноги.

Въ семье Сишайловыхъ, въ домѣ которыхъ я остановился, иѣть дѣтей по слѣдующей причинѣ: теща, злая какъ вѣдьма, поссорившись въ пьяномъ видѣ съ невѣсткой, хозяйкой дома, такъ

сильно ударила ее въ животъ, что она выкинула ребенка и съ тѣхъ поръ не могла донашиватъ.

У Лаптышевыхъ послѣдній сынъ, мальчикъ лѣтъ 10-ти, утонулъ, играя съ ребятишками въ лодкѣ, будучи оставленъ безъ присмотра во время оргіи родителей.

Этихъ примѣровъ, которые всѣ взяты изъ небольшихъ Лумкоевскихъ юртъ, достаточно, чтобы показать, насколько это явленіе общее.

Пусть мнѣ не поставятъ въ вину сообщеніе такихъ мелкихъ, и повидимому неважныхъ подробностей, но, мнѣ кажется, опустив эти факты, мое изложеніе страдало-бы голословностью.

Мои хозяева были люди уже пожилые, обоимъ около 60-ти лѣтъ, но, несмотря на это, бодрые, особенно это можно было сказать про хозяина, который выгляделъ еще совершенно молодцомъ и почти не имѣлъ сѣдыхъ волосъ. Работалъ онъ не хуже любого молодаго; хозяйка-же, русская по происхожденію, повидимому уже не могла управляться съ большими домомъ, который выстроилъ вѣсколько лѣтъ назадъ ея мужъ, надѣясь въ немъ покойно провести свою старость. Но несчастье всюду преслѣдовало эту бѣдную семью: будучи, какъ мы видѣли, бездѣтными, они приняли дѣвоочку, которая достигнувъ совершеннолѣтія, вышла замужъ и покинула ихъ, тогда они приняли мальчика—остяка. Онъ сталъ подростать и пріучился добывать соболя и лося. На него семья Сишайловыхъ возлагала свои лучшія надежды, потому что онъ оказался отличнымъ парнемъ и правой рукой отца, но онъ утонулъ въ Демьянѣ, разрушивъ навсегда мечты бѣдной семьи. Приняли они еще одного парня—русскаго, но онъ, можетъ быть потому что болѣе чуждый, уже не пользуется большой любовью родителей. Кромѣ того они наняли еще постратку, но несмотря на это, ихъ хозяйство носило явные слѣды разрушенія: все поломано, запущено, всюду грязь. Хозяева какъ-бы машипули на все рукой: у нихъ не было уже ни силъ, ни энергіи не только что-нибудь воззодить вновь, но и поддержать старое въ должномъ порядкѣ и отъ всѣхъ этихъ невзгодъ какая-то тайная грусть зачепатлена на ихъ угрызыхъ лицахъ.

Въ Лымкоевскихъ юртахъ я пробылъ около 3-хъ дней, все поджидая, что пріѣдуть крестьяне изъ дер. Субботиной и проложить путь въ Есикискія юрты. Вечеромъ 2-го дня мы дѣйствительно заслышали пѣсни и остыаки, высывавъ на улицу, встрѣтили передовыхъ крестьянъ, шедшихъ пѣшкомъ и возвѣщавшихъ о скоромъ прибытии остальныхъ, которые не замедлили показаться. Прибыли 2 артели или около 20-ти человѣкъ, которые намѣренались промышлять на Болотномъ или Соболиномъ сору (Нюгусту-торъ), половина которого принадлежитъ остыакамъ Лумкоевскихъ и половина остыакамъ Черемкоевскихъ юртъ. Первые продали свою часть за 20 руб., но съ такимъ условиемъ, что, если кто изъ остыаковъ—вотчинниковъ пожелаетъ принять участіе въ неводѣбѣ, то онъ не получитъ кортома, приходящагося на его долю, т. е. 3-хъ руб., которые въ этомъ случаѣ вычитаются изъ общей суммы арендной платы, вносимой крестьянами. Кортомъ за другую половину сора получаетъ тетка наследниковъ Черемкоевыхъ, проживающая въ Кошелевскихъ юртахъ.

Радость остыаковъ заключалась въ томъ, что прибытие крестьянъ предвѣщало праздникъ и угощеніе и дѣйствительно, часъ спустя, какъ мы заслышали пѣсни на рѣкѣ, раздались другія, болѣе громкія, въ соѣднѣй избѣ. Начался пиръ. Крестьяне привезли съ собой водку, которую принято подчивать остыаковъ-вотчинниковъ, причемъ кромѣ той, которая предназначалась для всѣхъ, каждый остыакъ получалъ отъ крестьянина, которому передавалъ свой пай, по бутылкѣ.

Остыаки угощали ихъ чаемъ, хлѣбомъ и лосиной. До поздней ночи продолжался содомъ: крикъ и пѣсни изъ 25-ти гортаней, вой бабъ, игра въ гармонику и топотъ, потомъ развеселѣвшая публика стала уходить въ другія избы, чтобы тамъ угощаться и продолжать пиръ. Нѣсколько разъ обходили въ 4 избы. Наконецъ все стало стихать, но не надолго. Вздумали сватать девку—постратку за вдоваго остыака и это послужило предлогомъ, чтобы съ жениха требовать спрыски и чтобы всякий, кто припряталъ водку, вытащилъ ее на свѣтъ Божій.

Такъ какъ пьяному не сидится дома, то, несмотря на вѣтряную и снѣжную погоду, публика долго съ пѣснями гуляла по улицѣ и каталась по Демьянкѣ, при тускломъ свѣтѣ луны, укутавшей бѣлыми облаками. Однимъ словомъ все имѣло характеръ настоящей свадьбы. Не обошлось и безъ плача и рева со стороны невѣсты, которая долго не соглашалась выходить замужъ за остыака, уже не первой молодости. Но конечно все это было не болѣе не менѣе какъ комедія, такъ какъ невѣста, какъ и всѣ здѣшнія постратки, далеко не отличалась безукоризненнымъ поведеніемъ и кромѣ того она отлично знала, что подобный бракъ безъ благословенія церкви довольно легко расторжимъ.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ въ юртахъ, гдѣ живутъ одни бездѣтные старики, не слышно было смѣха и пѣсень и крестьяне молодые, бодрые, веселые, внесли жизнь въ это мрачное жилище. Старики, подъ вліяніемъ вина, тоже веселились, во на меня производило грустное впечатлѣніе подобное искусственное веселіе лицъ, для которыхъ мало радостей осталось на свѣтѣ, кромѣ вида разрушенія всего того, что они съ трудомъ воздвигали въ дни молодости.

На другой день опохмѣлялись и остыаки варили остыакую брагу (пусса) съ хмѣлемъ и привезенные русскими бычачи головы, чѣмъ принято чествовать „Земляника“ („Хордаголь“) передъ началомъ промысла. Брагу въ сваренія головы кладутъ на чистую скатерть на столъ, который ставятъ на востокъ, потомъ сами остыаки нѣ-которое время кляются передъ столомъ, не крестясь, приглашая его принять участіе въ пирѣ и, окропивъ все кругомъ брагой, сами ее пьютъ и ёдятъ вареныхъ головы. Эти головы повидимому замѣняютъ цѣлыхъ животныхъ, которыхъ въ извѣстныхъ случаяхъ приносятъ въ жертву Земляному.

Праздникъ кончился, такъ какъ была выпита вся имѣвшаяся на лице водка, а безъ нея что за веселье для остыака! Поэтому въ этотъ-же день стали спаряжаться въ путь къ мѣсту назначенія: складывали провизію, ведра, пешни, лопаты, добывали изъ подполья глину, чтобы сдѣлать чуваль и т. д.

Вместѣ съ русскими уѣхала и часть осяковъ. Я говорю часть, такъ какъ не всѣ здѣшніе жители рыболовы, а половина, т. е. двое, занимаются звѣринымъ промысломъ.

Первые въ свободное время еще охотятся, но послѣдніе обыкновенно сами не ловятъ рыбу. Они или продаютъ свои рыболовные пай или посыпаютъ неводить вмѣсто себя кого-нибудь изъ своихъ, напр. приемыша или постратку. Къ звѣроловамъ можно причислить и дѣда Сипайлово, который, несмотря на свои 82 г., еще весьма свѣжъ и бодръ. Ловля зайцевъ „настями“ и бѣлокъ „илашками“, а также добыча рыбы мордами составляютъ его специальность.

Звѣровать обыкновенно ходятъ небольшими артелями въ 2—4 человѣка, причемъ первый разъ часто отправляются еще воднымъ путемъ и живутъ въ лѣсахъ $1\frac{1}{2}$ —2 мѣсяца и возвращаются домой около ноября, потомъ опять уходятъ послѣ Крещенія, когда день начнетъ прибывать и тоже проживаютъ 1 мѣсяцъ и болѣе, наконецъ въ послѣдній разъ идутъ въ Великій посты, когда гонять лося по настру.

Самые употребительные способы охоты мы уже разсмотрѣли раньше, равнымъ образомъ мы знаемъ и какъ производится дѣлежъ добычи между охотниками. Теперь приведемъ примѣръ, который показываетъ, насколько можетъ быть доходна охота въ здѣшнихъ лѣсахъ: нынѣшней осенью 2 осяка выродолжеви $1\frac{1}{2}$ мѣсяца (съ $\frac{1}{2}$ сентября по ноябрь) добыли 10 лосей, 11 выдръ и 2—3 соболя, что при стоимости лосиной шкуры въ 5 руб., выдры въ 6 руб. и соболя въ 4 руб. составитъ 124 руб. или 62 руб. на пай. Но конечно не всегда охота бываетъ такъ удачна. Нынѣ много всяаго звѣря, но охота сравнительно дала менѣе благопріятные результаты чѣмъ можно было ожидать. Зависитъ это отъ того, что образовавшійся легкій настъ не поднималъ собаку и рѣзать ей лапы, а безъ нея осенью трудно преслѣдоввать лося и отыскивать соболя. Выдръ-же добыли ныпѣ болѣе обыкновенного, чему благопріятствовала высокая вода, препятствовавшая звѣрьку прятаться между ея поверхностью и льдомъ и находить тамъ воздухъ для дыханія.

Несмотря на малое число звѣролововъ въ здѣшнемъ краѣ, между ними есть еще подраздѣленія: одни болѣе гонять лося (около 20 штукъ въ годъ), другіе болѣе сосредоточиваютъ свое вниманіе на соболѣ.

Хорошій промышленникъ можетъ здѣсь добыть въ средній годъ 10 лосей, 8—10 соболей, 2 выдры, 1 лису и нѣсколько десятковъ бѣлокъ, за которыми, по ихъ малоочисленности, не ходятъ специально, а бываютъ, если онѣ попадутся по пути,—однимъ словомъ звѣроловство можетъ доставить около 100 руб. Если сюда еще присоединить прибыль отъ рыбаго промысла, сбора кедровыхъ орѣховъ и кортомную плату, то составится общая сумма въ не менѣе чѣмъ 150 руб., а часто и болѣе, что, припимая во вниманіе сравнительно небольшія нужды осяка, живущаго при томъ въ глухи, могло бы обеспечить безбѣдное его существованіе въ теченіе круглаго года, если бы не водка.

Выше мы описали осяцкій пиръ. Скажемъ здѣсь, что подобныя празднества всегда оставляютъ болѣе или менѣе замѣтныя слѣды на хозяйствѣ. Всегда на другой день не досчитываются части посуды. Большия количества съѣстныхъ припасовъ быстро уничтожаются голодными артелями крестьянъ и еще большія количества раздаются щедрыми въ пьяномъ видѣ хозяевами, или просто расхищаются.

При томъ хаосѣ, который господствуетъ въ это время въ юртахъ, право собственности уже перестаетъ играть большую роль: всякий дѣлаетъ что хочетъ и беретъ что и сколько хочетъ. Голодные своры собакъ, которыхъ какъ и коней и дѣтей въ это время часто забываются, тоже не дремлютъ и случись, что гдѣ-нибудь плохо притворена дверь завозни, онѣ моментально туда врываются и производятъ большія опустошенія въ осяцкихъ запасахъ, а надо замѣтить, что здѣшнія сѣверныя собаки очень неприхотливы и єдятъ все: мясо, хлѣбъ, сало, рыбу и даже бруснику и кедровые орѣхи.

Священникъ, къ приходу которого принадлежатъ всѣ эти юрты, мѣрѣ сказывалъ, что ему нерѣдко случалось заставать этихъ ося-

ковъ сидящими на чай и хлѣбѣ или чуть не голодющими даже въ такіе года, когда промыслы были весьма удачны и когда звѣроловы добывали по 20—25 лосей на человѣка. Если предположить, что домой привезли только небольшую часть этой добычи, то и тогда этого количества съ лихвой хватило бы на круглый годъ на семью и на собакъ.

Попойки въ зимнее время довольно часты, такъ какъ всякий кто ёдетъ къ остакамъ, гдѣ-бы это ни было, всегда береть съ собою водку, за которую имѣеть и теплый уголъ, и обѣдъ, и сѣно для коней, а все это весьма важно для усталаго и голоднаго путника. Не брезгуютъ этимъ ни крестьяне, ни купцы, ни священники: всякий знаетъ, что отъ этого зависить весь успѣхъ предприятия и что поднившіе остыки становятся уступчивѣе въ надеждѣ получить еще „худой воды“ (пыгдэ йинкѣ¹), какъ они иногда называютъ водку. Кромѣ того остыки покупаютъ вино на свои собственныя деньги при всякомъ удобномъ случаѣ и, если кому изъ нихъ удастся забраться въ русскую деревню, то онъ обыкновенно проживаетъ тамъ не менѣе недѣли и все время пьянствуетъ. Если своихъ денегъ не хватило, остыкъ пропиваеть пай въ какой-нибудь рѣчкѣ или въ сору, а то пьетъ прямо въ долгъ. Живеть онъ это время у своихъ русскихъ кунаковъ или дружковъ, которые въ свою очередь пользуются его гостепріимствомъ во время промысла.

Въ артеляхъ, гдѣ неводятъ остыки вмѣстѣ съ русскими, они не прерываютъ лова во все время промысла, т. е. впродолженіи 2-хъ мѣсяцевъ, такъ какъ рисковали бы потерять свой пай и отдыхаютъ только во время воскресеній и большихъ праздниковъ. Но тамъ, гдѣ неводятъ одни остыки или гдѣ они промышляютъ мордами, они, наловивъ нѣсколько десятковъ возовъ рыбы на артель въ первомъ случаѣ или 2—3 воза на человѣка, во второмъ, нерѣдко даютъ себѣ отдыхъ и поджидаютъ случай, какъ-бы пропить часть этой рыбы и если подвернется купецъ, то обѣ стороны останутся довольными.

¹) „Пыгдэ“ — черный, худой; „йинкѣ“ — вода. Другое название водки „вина“.

Въ лѣтнее время къ нимъ уже никто не ёздить, но зато они сами посѣщаются с. Демьянское, несмотря на то, что вслѣдствіе извилистости рѣки, лѣтній путь значительно длиннѣе зимняго.

Всякій остыкъ считаетъ своимъ долгомъ провести лѣтомъ 1—2 недѣли на Иртышѣ и попытствовать властъ. Иногда развеселѣвшіе остыки изобрѣтаютъ своего рода parties de plaisir, напр. 4 года назадъ 2—3 семьи, сговорившись, навѣяли 2 тройки и отправились на богомолье въ Абалакскій монастырь, болѣе чѣмъ за 250 верстъ. Объ этой поѣздкѣ они потомъ отзывались съ большой похвалой: хвалили богатства монастыря и хоровое пѣніе. Но въ сущности, какъ оказалось на дѣлѣ, цѣль поѣздки заключалась въ посѣщеніи подрядъ всѣхъ питейныхъ заведеній, которыя были по пути, а ихъ не менѣе 10-ти, не считая находящихся въ городѣ. Проѣхать „станокъ“, дадутъ отдохнуть конямъ, а сами пропустятъ бутылку, другую. Если поздно, оставались на ночевку, а то опять плелись до слѣдующаго „станка“. Такимъ образомъ они въ 1 недѣлю добрались до Абалака, гдѣ и провели 2 дня. Благочинный, который мнѣ сообщилъ этотъ эпизодъ, спросилъ ихъ: „ну а въ Абалакѣ вы тоже пили?“ — „Такъ, самую малость, батька, отвѣчалъ одинъ старикъ, мы потѣ выпили со старухой всего четверть съ небольшимъ“. — Удивленіе выражается на лицѣ вопросавшаго: „ну а молились-же вы когда?“ — „Утромъ пойдемъ въ церковь, Богу помолимся, свѣтчу поставимъ, а потомъ придемъ домой и выпьемъ со старушкой“, нозразилъ наивный остыкъ. А еще говорятъ послѣ этого, что остыки плохіе христіяне!

На слѣдующій годъ они опять собирались предпринять странствованіе ко святымъ мѣстамъ, но торгующій крестьянинъ имъ не далъ денегъ въ долгъ, опасаясь, что слишкомъ трудно будетъ получить съ богомольцевъ и безъ того не малые долги. Посѣтовали, потужили остыки и съ тѣхъ поръ имъ не удалось предпринять ничего подобнаго, а къ слову сказать, первая ихъ поѣздка обошлась имъ не менѣе 60 руб. и продолжалась 2 недѣли.

Остыки пьютъ не менѣе своихъ мужей и, какъ послѣдніе, приходятъ часто въ очень буйное состояніе и уподобляются настоя-

щимъ фуріямъ. Нѣжные супруги, которые еще недавно мирно бѣсѣдовали, нерѣдко подъ вліяніемъ винныхъ паровъ начинаютъ браниться, погрѣвать другъ друга и дѣло оканчивается кулаками, ухватами и тасканіемъ другъ друга за волосы. Впрочемъ подобные эпизоды не носятъ характера семейныхъ драмъ и обыкновенно, наставивъ другъ другу синяки и вырвавъ другъ у друга нѣсколько клоковъ волосъ, они кончаютъ дѣло миромъ. Болѣе ожесточенный характеръ носятъ побоища двухъ соперницъ, если онѣ встрѣтятся въ подобную минуту. Здѣсь уже играетъ роль ненависть и каждая старается нанести другой какъ можно больше вреда, поэтому, если въ драку не вступятъ ихъ мужья и братья, то иногда какам-нибудь изъ нихъ терпить серьезныя увѣчья.

Здѣсь мѣсто упомянуть еще обѣ одной дурной привычкѣ, которая тутъ пользуется большимъ распространениемъ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, именно о куреніи. Здѣсь курять всѣ отъ мала до велика, русскіе и остыки, мужчины и женщины, парни и девки, иногда начинаютъ съ 6-ти лѣтнаго возраста. Дѣти лѣтъ 12-ти и болѣе, помогающія родителямъ при невольбѣ, покупаютъ табакъ на свои деньги, а болѣе малыхъ ребята снабжаютъ ихъ родители, которые убѣждены въ цѣлебной силѣ табачнаго дыма противъ удушья и другихъ грудныхъ болѣзней. Вслѣдствіе этого весьма тяжело находится въ избѣ, гдѣ скопилось много парода, что, въ зимнее время, здѣсь бываетъ сплошь да рядомъ. Жаръ, чадъ отъ кипящаго сала, дымъ и угаръ отъ самовара и лучинъ, табачный дымъ изъ многочисленныхъ трубокъ и „цигарокъ“ такъ отравляютъ воздухъ, что дышать трудно. Впрочемъ ранніе куреніе табака не составляетъ конечно порока специально принадлежащаго жителямъ Демьянки, встрѣчается онъ и въ цивилизованныхъ странахъ, укажу напр. на гор. Амстердамъ, гдѣ мнѣ нерѣдко случалось встрѣчать на улицѣ мальчишановъ лѣтъ 6—7, которые съ важностью курили цигары и съ видомъ знатоковъ разсуждали о качествѣ табака.

Относительно же девочекъ я никогда не встрѣчала ничего подобнаго.

ГЛАВА VI.

Селенія, лежащія въ Салымскаго тракта и ихъ жизнь. Остячка-отшельница.—Шуть въ Ескинскія юрты.—Рыболовиа избушка и ея внутреннее устройство.—Жизнь рыбаковъ во время промысла.—Въ гостяхъ у рыбакъ.—Остяцкія версты.

Лумкоевы юрты—послѣднее селеніе по Демьянкѣ, куда пролегаетъ зимняя конная дорога, идущая изъ с. Демьянскаго на р. Салымъ. Выше находятся еще три небольшихъ юрты, сообщеніе съ которыми поддерживается исключительно на лыжахъ. Лежать онѣ въ сторонѣ отъ вышеуказанного тракта, который отъ Лумкоевскихъ юртъ поверачиваетъ къ сѣверу на Ескинскія юрты, и, въ виду отсутствія проѣзда, здѣсь не держать коней. Самимъ же жителямъ кони не нужны по той причинѣ, что здѣсь нѣть дорогъ, а для перевозки въ зимнее время рыбы и мяса они пользуются, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, собаками, которыхъ въ этомъ отношеніи являются очень цѣнными животными. На 2-хъ собакъ кладутъ 4—6 пудовъ груза. Среднее число собакъ, которое приходится на дворъ—4.

Ближайшее селеніе—Барютинъ юрты. Здѣсь живутъ 2 остыцкія семьи. Дальше, на разстояніи около 100 верстъ отъ Лумкоевскихъ юртъ, расположены Саргатскія юрты, состоящія тоже изъ 2-хъ дворовъ и паконецъ, еще 15 верстъ выше, находятся Янышкины юрты, гдѣ проживаетъ всего одна семья, состоящая изъ вдовы-остячки съ 3-мя дѣтьми, изъ которыхъ старшей около 18-ти лѣтъ. Это теперь крайнее селеніе по Демьянкѣ.

Селенія, лежавшія еще выше, нынѣ не существуютъ; такъ, Теринскія юрты вымерли еще до 10-й ревизіи, а изъ Тайлаковыхъ юртъ, лежавшихъ не ближе 250 верстъ отъ Лумкоевскихъ, жители какъ мы видѣли, выселились.

Всѣ эти остыки почти исключительно зѣрловы, рыболовствомъ занимаются только отчасти.

Изобиліе лосей и пушнаго звѣря въ здѣшнихъ пустынныхъ лѣсахъ служитъ главной причиной, почему они не желаютъ разстаться со своими „вотчинами“, какъ то сдѣлали другіе. Даже

Татьяна, живущая на рубежѣ остицъ поселеній по Демьянкѣ, и та предпочитаетъ остаться на родномъ мѣстѣ, въ глухи, среди лѣсовъ и болотъ, чѣмъ искать счастья въ мѣстности болѣе населенной. Питается и она главнымъ образомъ звѣринымъ промысломъ, именно добываетъ лосей, настораживая луки, отчали ловить и рыбу.

Есть вѣчто героическое въ поступкѣ этой простой остички, которая рѣшается жить одна безовсякой помощи среди обширныхъ урмановъ, въ которыхъ въ изобиліи водятся медвѣди, и при томъ не только умѣть защитить и прокормить себя, но и своихъ 3-хъ дѣтей; впрочемъ, теперь они уже начинаютъ ей помогать.

Жители этихъ 3-хъ юртъ впродолженіи всѣхъ зимнихъ мѣсяцевъ почти вполнѣ отрѣзаны отъ свѣта, такъ какъ мы уже сказали, что ближайшее изъ нихъ отстоитъ отъ с. Демянского на 135 верстъ, 2-е — на 200 вер., 3-е — на 215 вер. и значительная часть дороги, покрайней мѣрѣ изъ 2-хъ послѣдніхъ юртъ, составляетъ трудный лыжный путь.. Поэтому они бываютъ въ Демянске, центре всей здѣшней мѣстности, обыкновенно всего 1 разъ въ годъ около Петрова дня, спустившись внизъ по рекѣ на лодкахъ. Здѣсь они закупаютъ или берутъ въ долгъ хлѣбъ, чай, табакъ на цѣлый годъ и, добравшись до своихъ юртъ, вновь почти цѣлый годъ проводятъ въ отшельничествѣ.

При изобиліи мяса, дичи и рыбы, они сравнительно мало потребляютъ хлѣба и 50 пудовъ хватаетъ небольшой семье на цѣлый годъ. Остичка Татьяна, которая, какъ женщина, не имѣетъ большаго кредита, должна довольствоваться еще мевышимъ количествомъ, напр. нынѣ она выѣхала изъ с. Демянского всего съ 10-ю пудами муки и 3-мя пуд. соли, что должно хватить до будущаго года. Правда, въ сосѣдніхъ юртахъ у нея есть зять, который ей иногда помогаетъ, но все-же путь на лыжахъ при рыхломъ снѣгѣ часто настолько затруднителенъ, что сообщеніе поддерживается только съ трудомъ, напр. въ прошломъ году, какъ разъ во время весенней распутицы, у нея истощились все припасы и наступилъ голодъ и впродолженіи вѣсковыхъ дней цѣлая

семья поддерживала свое существование только тѣмъ, что щла бульонъ изъ лосинихъ кожъ и нѣкоторые отброски, которые предназначались для собакъ. Случается, что въ ея одиночествѣ ее павѣщаются юганскіе звѣроловы изъ Сургутскаго округа, которые, за выселеніемъ Тайлаковскихъ остиковъ, проникли и на среднее теченіе Демянки и построили себѣ здѣсь кое-гдѣ звѣроловныя избушки.

На другой день послѣ прибытія крестьянъ въ Лумкоевы юрты, я выѣхалъ въ Ескинскія юрты. Составился небольшой караванъ изъ 3-хъ саней: впереди щахъ я, на 2-хъ саняхъ находились мои вещи и наконецъ на 3-ихъ — молодые, которые тоже отправлялись въ Ескинскія юрты, откуда происходилъ женихъ.

Было ясное и свѣжее, но не холодное утро и щазда могла бы быть довольно пріятной, если-бы не глубокій снѣгъ, благодаря которому мы весь путь щехали шагомъ.

Дорога почти все время пролегала черезъ низменныя и болотистыя мѣста, поросшія мелкимъ рымникомъ, частью истребленнымъ пожарами. Лѣсъ этотъ никуда негодевъ и, по безплодности мѣста, не служитъ даже убѣжищемъ для болѣе или менѣе цѣнныхъ животныхъ.

Мы проѣхали вѣсколько довольно обширныхъ соровъ и между прочимъ Нюгусту-торъ (соболій соръ), о которомъ я упомянулъ раньше. Здѣсь находится рыболовная избушка, гдѣ проживаетъ одна изъ артелей, промышляющихъ въ названномъ сору. Недалеко отъ нея видна еще незамерзшая рѣчка, перегороженная запоромъ.

Такъ какъ начивало смеркаться, то мы не остановились здѣсь, а продолжали путь до слѣдующей избушки, которая выстроена около рѣчки Вочіахъ. Отсюда до Ескинскихъ юртъ считается всего 6 верстъ, такъ что не было особаго риска совершилъ это путешествие ночью. Здѣсь мы и сдѣлали привалъ, тѣмъ болѣе, что ямщики просили дать передохнуть лошадямъ и обогрѣться.

Рыболовные избушки строятся одиаковымъ образомъ во всей здѣшней мѣстности. Чаще всего, какъ и въ данномъ случаѣ, они представляютъ изъ себя землянки, т. е. бываютъ выкопаны въ земль

и имѣютъ размѣры весьма небольшой комнаты. Внутри все изъ земли: полъ, стѣны, лавки и чуvalъ, который выдолбленъ въ одной изъ ея стѣнъ. Крыша состоитъ изъ жердей, крытыхъ землей. Въ ней имѣется пебольшое, снабженное стеклышкомъ, окно, которое, будучи занесено снѣгомъ, пропускаетъ только тусклый свѣтъ, главнымъ-же источникомъ свѣта, какъ и тепла является чуvalъ, въ которомъ поддерживаетъ огонь все время, пока рыбаки дома. Здѣсь промышленники живутъ $1\frac{1}{2}$ —2 мѣсяца. На лавки стелить еловыя вѣтви и солому и кроютъ ихъ верхней одеждой и въ этомъ видѣ онѣ замѣняютъ имъ и стулья, и лаеки, и кровати.

Подобное-же устройство мы встрѣчаемъ и въ зѣроловныхъ и рыболовныхъ избушкахъ, выстроенныхъ изъ бревенъ, только что здѣсь все, кроме чуvalа, изъ дерева. Эти избушки въ высшей степени просто устраиваются и имѣютъ то преимущество предъ крестьянской избой, что онѣ весьма помѣстительны и дѣйствительно трудно повѣрить, какъ въ подобномъ тѣсномъ помѣщеніи находять до извѣстной степени способное убѣжище 10—15 человѣкъ рыбаковъ. Образцомъ для подобныхъ избушекъ вначалѣ вѣроятно служили татарскія юрты, внутреннее устройство которыхъ совершенно такое-же.

Во время каждой трапезы посреди комнаты ставятъ столикъ, который послѣ убираютъ, снявъ верхнюю доску—приспособленіе весьма полезное въ виду того, что помѣщеніе столь тѣсно, что по мѣткому выражению рыбаковъ: здѣсь двумъ мышамъ разбѣжаться негдѣ.

Припасы каждый береть съ собой изъ дома, рыбу добываютъ на мѣстѣ, а лосину покупаютъ у остыаковъ за 50—60 коп. за 1 пудъ. Мясо они приобрѣтаютъ и такимъ образомъ, что подвозить остыакамъ въ праздничное время туши убитыхъ ими лосей и оленей и за доставку согласно уговору получаютъ половину добычи.

Всѣ кушанья варятся въ большомъ чугунномъ котлѣ, онъ-же замѣняетъ и самоваръ и какъ въ деревняхъ около послѣдняго, такъ здѣсь по вечерамъ у кипящаго котла, собираются усталые рыболовы съ лицами, раскрасневшимися отъ жара въ чуvalѣ, и съ

удовольствиемъ выпивають десятки глиняныхъ чашечекъ кирпичнаго чая.

Рыбаки меня приняли очень радушно, усадили около огня и стали подливать ухой и чаемъ. Всѣ наперерывъ хотѣли быть любезными: одинъ рѣзаль хлѣбъ, другой приготовлялъ чай, 3-й скоблилъ столъ и т. д. Откопали даже откуда-то несовсѣмъ чистый кусокъ сахара. Любезность ихъ простиралась въ одинаковой степени на всѣхъ прѣзжихъ, и на возницъ и на молодую чету, всѣ мы, расположившись вокругъ столика около кипящаго котла, попрѣмѣнно опускали туда свои глиняные чашечки. Послѣ насы уже сѣли за столъ сами рыбаки и довольно скоро окончили котель.

Погостивъ около часа у радушныхъ хозяевъ избушки, я уже собрался въ путь, какъ они мнѣ принесли большаго карася, фунтовъ въ 5 и сильно настаивали, чтобы я его взялъ на дорогу. Подобная приношенія рыбаки сѣверного края имѣютъ обыкновеніе дѣлать не только своимъ гостямъ, по и вообще всемъ лицамъ, которыя посѣщають ихъ рыбаку.

Мы добрались до Ескинскихъ юртъ уже почью, проѣхавъ виродолженіи пѣлаго дня всего около 25-ти верстъ или 4 „остяцкихъ“ версты. Счетъ на остыцкія версты (по-ост. „эдепъ“) по Демьянкѣ болѣе популярнѣ, чѣмъ на русскія и зависить это главнымъ образомъ отъ того, что здѣсь пространства не измѣрены и ошибиться въ русскихъ верстахъ, болѣе мелкихъ, гораздо легче, чѣмъ въ остыцкихъ; къ тому-же у нихъ примѣрно опредѣлено, гдѣ кончается одна верста и гдѣ начинается другая. Конечно верстовыхъ столбовъ здѣсь нѣтъ, но ихъ замѣняютъ разные уроцища и предметы, какъ устье рѣчки, логъ, кривая сосна, таловый кустъ и каждый остыакъ вамъ можетъ сказать, какую версту вы проѣзжаете. Остыцкая верста соответствуетъ приближительно 6—7 русскимъ. Отъ Ескинскихъ горъ до дер. Горнозитильно 6—7 русскимъ. Отъ Ескинскихъ верстъ, а до Цингинскихъ юртъ—6 остыцкихъ верстъ. По словамъ мѣстныхъ жителей счетъ на остыцкія версты ведется уже изстари.

ГЛАВА VII.

Ескинскія юрты.—Постратки и ихъ дурное вліяніе на семью.—Источники благосостоянія жителей.—Отношевіе осяковъ къ торгующимъ крестьянамъ.—Сдѣлки между ними.—Выгода братъ хлѣбъ у купцовъ при существованіи казенныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ.—Потери и барыши торгующихъ крестьянъ.—Оригинальный взглядъ осякона на долги.—Подвиги одного Демьянскаго „корольца“.—Безапомощное и подневольное состояніе осяковъ и крестьянъ-должниковъ.—Свѣтлыя личности въ средѣ торгующихъ крестьянъ.—Возвращеніе на Иртышъ.

Ескинскія юрты, состоящія изъ 3-хъ одностопныхъ домиковъ или юртъ, расположены на пустынномъ берегу р. Нелмы, среди низменной, бесплодной и весьма однообразной мѣстности, большая часть которой покрыта малорослымъ и кривымъ болотнымъ соснякомъ. Около юртъ имются кое-какія пристройки, завозни, амбарчики, стайки для весьма немногочисленного скота, такой же конструкціи, какъ и въ другихъ юртахъ.

Выбора помѣщенія здѣсь не было и поэтому я остановился въ первой попавшейся избѣ, гдѣ проживала довольно многочисленная для здѣшней мѣстности семья, состоявшая изъ хозяевъ, 2-хъ ихъ сыновей и паемной постратки. Дома я засталъ однѣхъ женщицъ: хозяинъ неводилъ на отдаленномъ сору и поэтому не приходилъ домой во все время моего пребыванія въ Ескинскихъ юртахъ; сыновья-же, которые промышляли близже въ сору около рѣки Волчихъ, прѣѣхали домой вечеромъ другаго дня, чтобы провести дома воскресенье.

Всѣмъ домомъ правила хозяйка — добродушная старушка—осяяка, которая цѣлый день проводила въ хлопотахъ по своему небольшому хозяйствству, то что нибудь варила, то наставляла самоваръ, то шила, то пряла нитку изъ крапивы. Наемная работница, девушка лѣтъ 22-хъ, сравнительно мало помогала ей въ этихъ хлопотахъ и вообще не очень заботилась о домѣ. Старушка мнѣ не разъ жаловалась на нее и охотно-бы ей отказалась, если бы она не пользовалась симпатіей старшаго сына, который собирался на неї жениться. Это обстоятельство немало печалило его мать, которая непремѣнно хотѣла, чтобы сынъ ея взялъ въ жены осяяку, о хозяйственныхъ способностяхъ и нравственности кото-

рыхъ она имѣла болѣе высокое мнѣніе и я долженъ сказать, что она до извѣстной степени была права, потому что всѣ здѣшнія постратки отличаются лѣпью и легкимъ поведеніемъ. Рѣшаясь идти въ услуженіе къ осякамъ, онѣ заранѣе имѣютъ въ виду вести довольно беззаботную и праздную жизнь и отлично знаютъ, что ими дорожатъ. Онѣ работаютъ немного, а больше ходятъ изъ юрты въ юрту, сплетничаютъ между собою и щелкаютъ орѣхи. Жизнь эта имъ до того по вкусу, что онѣ обыкновенно неохотно выходятъ замужъ за осяковъ, среди которыхъ живутъ годами, предпочитая пользоваться полной свободой. Если-же онѣ и выходятъ замужъ, то въ большинствѣ случаевъ бываютъ довольно плохими женами и матерями и нерѣдко бросаютъ своихъ мужей. Послѣднѣе, потуживъ о случившемся, скоро утѣшаются и находять себѣ другую постратку или любовницу, которая впослѣдствіи часто смеется третьей и т. д. Однимъ словомъ постратки имѣютъ растлѣвающее вліяніе на семью, среди которой живутъ и всюду, куда проникаютъ, разносятъ сифилисъ, который еще сравнительно недавно здѣсь совершенно не былъ извѣстенъ.

Свободѣ нравовъ, которая здѣсь господствуетъ, способствуетъ также съ одной стороны — несоответственно малое число женщинъ въ некоторыхъ юртахъ, какъ напр. въ рассматриваемыхъ нами Ескинскихъ, гдѣ коренное мужское населеніе относится къ женскому какъ 2:1 (12:6) и съ другой стороны — скопление въ зимнѣ мѣсяцы, въ юртахъ, большаго числа безсемейныхъ крестьянъ.

Какъ и всюду по Демьянскѣ, источниками благосостоянія жителей Ескинскихъ юртъ служатъ рыбная ловля и звѣроловство. Сборъ кедровыхъ орѣховъ тоже доставлялъ въ прежніе годы хороший доходъ, но пожары, которые истребили почти всѣ лѣса по Демьянскѣ и ея притокамъ, не пощадили и кедровниковъ. Уцѣлѣли послѣдніе только кое-гдѣ въ сырыхъ мѣстахъ, какъ напр. по р. Еаху. Въ настоящее время сборъ кедровыхъ орѣховъ приносить небольшой доходъ, въ 10—20 руб. на семью, только въ урожайные годы, которые обыкновенно бываютъ разъ въ 4—6 лѣтъ.

Добычу рыбного промысла и охоты, жители Ескинскихъ юртъ,

какъ всѣ остатки, сдаются торгующимъ крестьянамъ, которые, взамѣнъ этого, спабжаютъ ихъ хлѣбомъ и товаромъ.

Въ виду того, что до сихъ поръ мы только вскользь упоминали объ отношеніи сельского населенія къ торгующимъ крестьянамъ или къ „кормильцамъ“, какъ ихъ мѣтко называлъ одинъ авторъ, здѣсь будетъ небезынтересно разсмотрѣть этотъ вопросъ вѣсколько подробнѣе.

Суженіе въ долгъ хлѣба, чая и др. товаровъ подъ будущій уловъ рыбы и добычу пушнины повсемѣстно распространено въ сѣверной части Тобольского округа и въ смежныхъ округахъ Березовскомъ и Сургутскомъ и составляетъ характерное явленіе въ жизни обитателей сѣверного края. Существование этихъ „кормильцевъ“, при вѣстоящемъ экономическомъ положеніи сельского населенія и при отсутствіи въ его средѣ, какихъ-либо товариществъ, которыя обладали бы своими капиталами, необходимо для развитія промышленности въ здѣшнихъ краяхъ, въ виду того, что и въ рыбной ловлѣ, главномъ занятіи жителей сѣвера, какъ и во всякомъ другомъ предпріятіи, требуется капиталъ, какъ на дорогостоющія снасти, такъ и на „подъемъ“, т. е. на обезпечевіе рабочихъ въ харчахъ и одеждѣ впродолженіи всего времени промысла. Но, къ сожалѣнію, если вопросъ объ отношеніяхъ рабочихъ къ нашимателямъ и урегулированъ за послѣднее время особыми заключами, на отношенія между „кормильцами“ - кулаками и ихъ клиентами, остатками и крестьянами, обращено сравнительно мало вниманія и по прежнему здѣсь господствуетъ произволъ и замѣчается подневольное состояніе сельского населенія, судьба котораго нерѣдко всецѣло находится въ рукахъ не вполнѣ честныхъ людей.

Сдѣлки между крестьянами или остатками и торгующими крестьянами довольно разнообразны, напр. собственникамъ какого-нибудь рыболовного угодья они даются за извѣстное число паевъ улова, обыкновенно за 3, неводъ и снасти и кромѣ того подъемъ, который оплачивается уже рыбой, доставшейся на долю пайщиковъ. Послѣднюю принимаютъ или по заранѣе выговоренной, для каждой

породы рыбы, цѣнѣ или по существующей въ настоящее время, по съ извѣстной скидкой, напр. съ уступкой 5—15 коп. съ пуда.

Иногда заключаются такой договоръ, въ которомъ имѣеть мѣсто только одно изъ 2-хъ здѣсь приведенныхъ условій и при этомъ чаще рыбаки получаютъ отъ своего кредитора только подъемъ хлѣбомъ, товаромъ, деньгами въ размѣрѣ 25—70 руб. въ зависимости отъ платежной способности отдѣльныхъ лицъ и отъ доходности ихъ угодій. Этотъ послѣдній случай имѣеть мѣсто обыкновенно въ мѣстностяхъ, где нѣтъ большихъ рыболовныхъ пescковъ и где, следовательно, рыбаки не нуждаются въ большихъ, дорого стоящихъ, неводахъ, которые замѣняются небольшими артельными неводками, спицами изъ „дѣлей“, доставленныхъ отдѣльными пайщиками. Къ подобнымъ мѣстамъ подходятъ почти всѣ рыболовные угодья въ районѣ р. Демьянки за исключеніемъ Чагрова¹⁾ сора въ Цингинскихъ юртахъ и поэтому, въ дальнѣйшемъ изложеніи, мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ этотъ случай.

Выгода, которую получаетъ торгующій крестьянинъ отъ подобныхъ сдѣлокъ, сама по себѣ ясна. Онъ отпускаетъ хлѣбъ и товаръ по болѣе дорогой цѣнѣ, чѣмъ по которой покупаетъ и кромѣ того еще получаетъ барыши отъ перепродажи рыбы. Остатки же, благодаря существованію кредита, впродолженіи цѣлаго года не терпятъ нужды въ хлѣбѣ и въ предметахъ первой необходимости, кромѣ того имѣеть возможность расплатиться сырыми продуктами, что для него весьма важно и, въ виду этого послѣдняго обстоятельства, казенные хлѣбозапасные магазины для инородцевъ, которые въ Тобольскомъ округѣ имѣются въ с. Самаровскомъ и с. Демьянскомъ, не могутъ съ ними конкурировать даже въ томъ случаѣ, если цѣна на хлѣбъ въ нихъ болѣе низка, чѣмъ у купцовъ. Взносы денегъ за хлѣбъ, взятый въ казенному хлѣбозапасному магазинѣ, производятся однажды въ годъ вмѣстѣ съ уплатой ясака, купецъ же не требуетъ полной уплаты долга въ извѣстный

¹⁾ Лучший сортъ во всей мѣстности. Въ 1885 и въ 1886 г. г. на пай приходилось 300—400 рублей.

срокъ, а въ случаѣ плохаго года переводить часть долга, оставшагося послѣ произведенаго разсчета на слѣдующій годъ и такъ продолжается иногда нѣсколько лѣтъ сряду. Все это время онъ не перестаетъ снабжать своего клѣвта хлѣбомъ и товаромъ, хотя конечно не упускаетъ при этомъ изъ виду, насколько онъ можетъ оправдать оказываемый ему кредитъ.

Наконецъ, третья причина, почему, несмотря на существованіе хлѣбозапасныхъ магазиновъ, инородцы поставлены въ необходимость пользоваться хлѣбомъ отъ купцовъ, заключается въ томъ, что вслѣдствіе затрудненій, съ которыми было сопряжено взысканіе недоимокъ, изъ магазиновъ стали выдавать хлѣбъ въ весьма ограниченномъ количествѣ, напр. по 2 п. на человѣка въ одинъ разъ, что поставило въ затруднительное положеніе жителей болѣе отдаленныхъ юртъ.

Давая постоянно въ долгъ и не получая сполна всѣхъ денегъ при ежегодныхъ разсчетахъ, торгующій крестьянинъ конечно рискуетъ потерпѣть убытки, но прекратить выдачу хлѣба онъ не можетъ. Это значило бы прямо потерять всѣ числящіяся за клиентомъ деньги, такъ какъ послѣдній, находясь въ нуждѣ, не преминулъ бы обратиться къ другому такому же купцу, можетъ быть его конкуренту, и, съ этихъ поръ, вся добытая остаткомъ рыба переходила бы къ нему.

Есть еще одинъ случай, когда затраченный капиталъ теряется безвозвратно—это при полномъ вымирании какой-нибудь семьи, но если умретъ отецъ семьи, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ долгъ его принимается на себя его сынъ. За исключеніемъ этихъ 2-хъ случаевъ деньги, ссуженные въ долгъ, нельзя считать потерянными, хотя, принимая во вниманіе вышеизведенное, понятно, что нерѣдко бываютъ случаи, когда эти деньги уплачиваются не то лицо, которое ихъ получило, а его сынъ или внукъ.

Указывая на эти дѣйствительныя и временныя потери, торгующіе крестьяне имѣютъ обыкновеніе жаловаться на свое бѣдственное положеніе, на то, что они кормятъ весь край изъ милости и изъ состраданія къ близкимъ, находящимся въ нуждѣ и что эти

послѣдніе, не взирая на всѣ благодѣянія, которыми они имъ обязаны, грабятъ и раззоряютъ ихъ. Но, въ справедливости подобныхъ жалобъ, можно болѣе чѣмъ усомниться, потому что эти „кормильцы“, несмотря на свои потери, которыхъ нельзя отрицать, все-же получаютъ такие хорошие барыші, что о кризисѣ не можетъ быть и рѣчи.

Дѣйствительно, цѣны на муку¹) и на другіе предметы первой необходимости зависятъ вполнѣ отъ торгующаго крестьянина и не подвергаются никакому контролю и поэтому, при назначеніи ихъ, они конечно имѣютъ въ виду и возможные убытки. Такъ какъ каждый изъ нихъ при этомъ руководствуется своими собственными соображеніями, то сплошь да рядомъ случается, что одно селеніе платить за ту-же вещь значительно дороже, чѣмъ другое, отстоящее отъ первого всего на 10—20 verstъ, если послѣднее входитъ въ районъ дѣйствій другаго „кормильца“. Подобная конкуренція полезна въ томъ отношеніи, что до извѣстной степени препятствуетъ вредному вліянію монополіи и во всѣхъ мѣстностяхъ, где она существуетъ, положеніе сельскаго населенія сноснѣе и цѣны безобиднѣе. Но, къ сожалѣнію, переходъ отъ одного кредитора къ другому не легокъ. Всѣ остатки и значительная часть крестьянъ сѣверного края въ долгу у того или другаго торгующаго крестьянина и поэтому, до уплаты долга, до извѣстной степени связаны въ своихъ дѣйствіяхъ и только тогда они рѣшаются на такой шагъ, если ихъ прежній кредиторъ на отрѣзъ откажетъ имъ въ помощи. Въ виду этого, они десятки лѣтъ безропотно уплачиваютъ все, что отъ нихъ требуютъ: что они дѣйствительно должны и что они должны по записямъ купцовъ. Величина тѣхъ и другихъ долговъ весьма часто не идентичны и есть основаніе предполагать, что въ извѣстныхъ случаяхъ остаткамъ приходится платить немало лишняго. Дѣло въ томъ, что забирая у купцовъ

¹) Нынѣ лѣтомъ они отпускали ржаную муку въ с. Демьянскомъ по 75 коп. за 1 п. при стоимости ея въ Тобольскѣ 50 коп. и въ с. Самаровскомъ 45—55 к.; въ послѣдній пунктъ она доставляется на баркахъ изъ Томской губерніи.

хлебъ и другие товары, осякъ далеко не всегда освѣдомляется обѣ ихъ стоимости, полагаясь въ данномъ случаѣ на ихъ честность и если кто-нибудь изъ нихъ задастъ ему вопросъ: „почему же ты не спрашиваешь цѣну“? онъ обыкновенно отвѣтаетъ: „ты самъ знаешь сколько, запиши въ книгу“. И дѣйствительно тотъ заноситъ, но что — не всегда известно. Осякъ здѣсь руководствуется слѣдующимъ соображеніемъ: если промыселъ будетъ хороший, то онъ уплатить все, если и напишутъ что лише, а если уловъ плохъ, то все равно онъ не будетъ въ состояніи раздѣлаться съ долгами.

На этотъ оригиналный взглядъ осяковъ обратилъ мое вниманіе одинъ изъ болѣе добросовѣстныхъ торгующихъ крестьянъ, хотя и не Демьянской волости, и по тѣмъ справкамъ, которыя я наводилъ обѣ этомъ въ разныхъ мѣстностяхъ бассейна Иртыша, я убѣдился, что это не есть вымыселъ.

Сумму своихъ долговъ осяки знаютъ обыкновенно только короткое время послѣ расчета, а потомъ или совсѣмъ не знаютъ или только приблизительно. Записи-же имѣются только у кредитора, вслѣдствіе чего всякое недоразумѣніе въ денежнѣхъ расчетахъ, которое возникаетъ между ними и его должниками, всегда рѣшается въ его пользу. Въ виду того, что подобные случаи весьма часты, остается только пожалѣть, что уничтожены бирки, которыя еще вѣнѣ въ ходу въ другихъ сѣверныхъ округахъ, напр. въ Сургутскомъ по р. Салыму и между прочимъ въ Цингинскихъ юртахъ Верхне-Демьянской волости, гдѣ подобная недоразумѣнія поэтому невозможны. Разсчеты-же и заборныя книжки естественно не могли быть введены по причинѣ весьма малаго процента грамотныхъ среди сельскаго населенія.

Все вышеприведенное всецѣло относится и къ бассейну рѣки Демьянки, только что положеніе обитателей его, быть можетъ, еще болѣе тягостно, чѣмъ положеніе другихъ поселеній, въ виду ко-рыстолюбія лицъ, съ которыми имѣ приходится имѣть дѣло. Остановлюсь нѣсколько на подвигахъ одного изъ нихъ, ими кото-раго не считаю нужнымъ называть.

Мнѣ въ разныхъ юртахъ рассказывали про него, что онъ не рѣдко беретъ у осяковъ и крестьянъ въ счетъ долга рыбу по извѣстной цѣнѣ, но, найдя, что въ городѣ, куда онъ сбываетъ рыбу, цѣны на столько низки, что нельзя надѣяться на болѣе или менѣе хорошую выручку, онъ, не стѣсняясь совершенной съ по-слѣдними, хотя и словесной, сдѣлкой, разсчитываетъ ихъ по меньшей цѣнѣ.

Желая удержать въ своихъ рукахъ тѣхъ или другихъ осяковъ, онъ имѣ иногда не говорить общей суммы ихъ долга, а если кто изъ нихъ и заикнется обѣ этомъ, то онъ обыкновенно начинаетъ сердиться и требуетъ немедленного разсчета имѣ уплаты 100—300 руб., которые числятся за отдѣльными лицами. Конечно у осяка не найдется такой суммы и потому онъ старается не доходить до ссоры.

Такъ какъ кромѣ рыболовства, здѣшніе осяки занимаются и звѣроловствомъ, то они обязаны уступать ему и шкуры убитыхъ животныхъ. Если цѣны на рыбу и мѣнняются постоянно, то этого нельзя сказать про цѣны на пушину и на лосинную кожу, которыя, въ теченіе извѣстнаго периода времени, довольно устойчивы но, несмотря на то что здѣсь такимъ образомъ нельзя потерпѣть убытка, цѣны, которыя онъ имѣ даетъ за пушину, весьма низки, напр. за соболиную шкурку $2 - 3\frac{1}{2}$ руб., хотя она стоить на мѣстѣ 3—6 руб. въ зависимости отъ качества, за лосиную кожу 4—4 руб. 50 коп. вмѣсто 5 руб.—5 руб. 50 коп. Они не могутъ примириться съ необходимостию отдавать за безцѣнокъ болѣе или менѣе цѣнныя товары, добыть который стоило имъ не малыхъ усилий и поэтому они иногда рѣшаются тайкомъ продать лучшія изъ своихъ шкурокъ на сторону, что, однако, обыкновенно доходитъ до свѣдѣнія „кормильца“ и гроза разражается надъ головой провинившагося осяка.

Вообще онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы выжать сокъ изъ бѣдняка, напр. крестьяне Демьянской волости мнѣ передавали, что за неплатежъ долговъ онъ беретъ у нихъ коровъ, опѣнивая ихъ въ 5—6 руб., хотя средняя стоимость коровы здѣсь

10 руб., а за воловью кожу, которую у него берутъ рыбаки для бродней, онъ ставить цѣну 6—8 руб. Кромѣ того онъ заставляетъ должниковъ работать на пескѣ, который снимаетъ у крестьянъ Демьянской волости, платя по 20 коп. въ день, несмотря на страдное время, когда для крестьянина логоть каждый день и когда, отиравившись на вольные заработки, онъ могъ бы получить 35—40 коп. поденной платы.

Однимъ словомъ, мнѣ всегда жаловались на несправедливость и корыстолюбіе этого „кормильца“, несмотря на то, что въ большинствѣ случаевъ, сельские жители и имѣютъ обыкновеніе выграживать своихъ кредиторовъ, можетъ быть изъ боязни передъ ними.

Такимъ образомъ положеніе сельскаго населенія, по отношенію къ ихъ свирѣпымъ кредиторамъ, является иногда вполнѣ безнадежнымъ, тѣмъ болѣе что не всегда находятся охотники вступить въ борьбу съ людьми сильными и влиятельными, къ каковымъ принадлежатъ въ округѣ всѣ купцы, богатые торгующіе крестьяне и другія лица, занимающіяся однимъ съ ними ремесломъ. Мы здѣсь не говоримъ уже о сельскомъ или волостномъ начальствѣ, для котораго подобная борьба немыслима и которое подчасъ находится подъ влияніемъ этихъ тузовъ или даже въ известномъ подчиненіи у нихъ, какъ это напр. весьма недавно было въ Демьянской волости.

Но однако же слѣдуетъ думать, что всѣ „кормильцы“ были похожи на вышеуказанныхъ, хотя они и составляютъ огромное большинство. Даже въ предѣлахъ бассейна Демянки есть лица, которые, судя по отзывамъ осяковъ, относятся къ нимъ болѣе гуманно, а въ Самаровской волости я знаю торгующихъ крестьянъ, которые могутъ быть названы благодѣтелями края.

Приведемъ одинъ примѣръ, который можетъ подтвердить справедливость нашихъ словъ: когда 2 года тому назадъ цѣны за 1 п. ржаной муки поднялись до 1 руб.—1 руб. 20 коп., они не воспользовались этимъ случаемъ, чтобы обогатиться на счетъ своихъ собратій въ нуждѣ, какъ сдѣлали другіе крестьяне той-же вол-

ности, но продавали и отпускали хлѣбъ по цѣнѣ, которая стояла передъ тѣмъ, т. е. по 60—80 коп. за 1 п.

Особенною гуманностью въ этомъ отношеніи отличается Василій Трофимовичъ Земцовъ, который постоянно имѣетъ значительные запасы муки, приплавленной изъ Томской губерніи и которой онъ снабжаетъ осяковъ и крестьянъ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, именно нынѣ лѣтомъ по 45 коп. за пудъ, между тѣмъ какъ болѣе корыстолюбивые отпускали ее по 55 коп. и, не растративая свои запасы, выжидали то время, когда у Земцова выйдетъ вся мука, чтобы тогда еще поднять цѣну.

Въ Ескинскихъ юртахъ я пробылъ нѣсколько дней въ надеждѣ, что не сегодня, такъ завтра, откроется путь въ Цингинскія юрты и па р. Салымъ, но, когда прошелъ 4-й день и мои ожиданія не оправдались, я перемѣнилъ планъ и рѣшилъ выбраться на Иртышъ въ деревню Горно-Субботину и оттуда поѣхать другія мѣста, болѣе доступныя для изслѣдованія. Но и это было дѣломъ не легкимъ.

Вышеупомянутые субботинскіе рыбаки, которые нынѣ впервые проложили этотъ путь, могли совершить переходъ въ 30 верстъ, который раздѣляеть д. Г.-Субботину отъ Ескинскихъ юртъ, только въ $2\frac{1}{2}$ дня и притомъ принуждены были 2 ночи провести подъ открытымъ небомъ, такъ какъ лопади не были въ состояніи проѣхать въ 1 день болѣе 10—12 верстъ.

Наше положеніе было лишь немногимъ лучше: послѣдніе 2 дня свирѣпствовала выюга, которая окончательно занесла „шляхъ“ или слѣды саней проѣхавшихъ рыбаковъ и намъ предстояло или вновь пролагать дорогу или отыскивать прежнюю, что было въ одинаковой степени затруднительно.

На 5-й день, въ срѣдлное и нехолодное утро, мы тронулись въ путь. Кромѣ 2-хъ саней, на которыхъѣхать я и которыя были подъ моимъ багажемъ, нашъ караванъ состоялъ еще изъ 2-хъ саней, которые принадлежали осякамъ и крестьянамъ,ѣхавшимъ по дѣламъ въ ту-же деревню.

Пока погода стояла благоприятная и было свѣтло, лошади хорошо „сочили“ или отыскивали „шляхъ“, но къ 3-мъ часамъ навалилъ снѣгъ и мало по малу поднялась сильная мятель, которая залепляла глаза снѣгомъ и скрыла отъ насъ всѣ окружающіе предметы. Лошади стали чаще сбиваться съ пути и вязнуть въ „нишѣ“ еще незастывшихъ болотъ.

Особенно тяжело былоѣхать по совершенно открытому мѣсту, гдѣ выюга вступала въ свои полныя права.

Не разъ приходилось возницамъ слѣзать съ саней и, бродя по колѣна въ снѣгу, ощупывать и отыскивать дорогу.

Постоянно мѣня передовыхъ лошадей, устававшихъ скорѣе другихъ, намъ удалось поздно вечеромъ добраться до старого еловаго бора, отстоявшаго отъ деревни всего на 2—3 версты и здѣсь мы нашли убѣжище отъ выюги.

Мы пересѣкли этотъ боръ, потомъ поднялись на горку и, пробираясь между снѣжными сугробами, наконецъ вѣхали въ спящую деревню, а $\frac{1}{4}$ часа спустя я не безъ удовольствія сидѣлъ въ теплой избѣ за кипящимъ самоваромъ и уже равнодушно слушалъ, какъ на улицѣ свирѣпствовала разъяренная стихія, какъ отъ внезапныхъ порывовъ вѣтра звенѣли стекла и хлопали ставни и какъ, въ своей безсильной злобѣ, завывала выюга.

Конецъ.

С. Паткановъ.